А. А. Малининъ.

СТАРОЕ и НОВОЕ НАПРАВЛЕНІЕ въ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКѢ.

Лампрехтъ и его оппоненты.

Рефератъ, читанный въ Историческомъ Обществѣ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Т—во «Печатня С. П. Яковлева». Петровка, Салтыковскій пер., д. № 9.
1900.

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

А. А. Малининъ.

СТАРОЕ И НОВОЕ НАПРАВЛЕНІЕ

ВЪ

ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКѢ.

Лампрехтъ и его оппоненты.

Рефератъ, читанный въ Историческомъ Обществѣ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Т—во «Печатня С. П. Яковлева». Петровка, Салтыковскій пер., д. № 9.
1900.

Дозволено цензурою. Москва, 18 марта 1900 года.

Karl Lamprecht. Die gegenwärtige Lage der Geschichtswissenschaft (Zukunft 8 Februar 1896 № 19).

Das Arbeitgebiet geschichtlicher Forschung. (Zukunft 4 April 1896 № 27).

Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft Berlin 1896.

Zum Unterschiede der älteren und jüngeren Richtungen der Geschischtswissenschaft (Historische Zeitschrift Bd. 77, Heft 2, 1896).

Die geschichtwissenschaftlichen Probleme der Gegenwart (Zukunft 7 und 14. November 1896 №№ 6, 7).

Was ist Kulturgeschichte? (Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft N F I, Heft 2, 1896).

Eine Wendung im geschichtwissenschaftlichen Streit (Zukunft 2 Januar 1897 № 14).

Individualutät, Idee und sozialpsychische Kraft iu der Geschichte (Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. III Folge 13 Bd, 6 Heft 1897).

Fr. Meinecke. Erwiderung (Historische Zeitschrift Bd 77, 2 Heft 1896).

O. Hintze. Ueber individualistische und kollektivistische Geschichtsauffassung (Historische Zeitschrift Bd 78, 1 Heft 1896).

F. Rachfall. Notizen und Besprechungen (Preussische Jahrbücher Bd 84, 3 Heft 1896).

Ueber die Theorie einer kollektivistischen Geschichtswissenschaft. (Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik III Folge, 13 Bd, 5 Heft 1897).

K. Breysig. Ueber Entwicklungsgeschichte (Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenshaft, I Jahrgang №№ 6; 7—8; 1896).

H. Pirenne. Une polémique historique en Allemagne. (Revue Historique. Tome 64, Mai-Juin 1897).

Сокращенія въ цитатахъ:

Historishe Zeitschrift—HZ.
Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft—DZfG.
Zukunft—Zkft.
Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik—JfNö u S.
Preussische Jahrbücher P. J.
Revue Historique R. H.

Старое и новое направленіе въ исторической наукѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ содержаніе исторіи чрезвычайно расширилось, сдѣлалось необходимымъ раздѣленіе труда между историками, спеціализація въ разныхъ областяхъ необозримаго историческаго матеріала. Эта спеціализація неизбѣжна въ такой всеобъемлющей дисциплинѣ какъ исторія, да она и нужна въ интересахъ основательности изученія, и ей исторія обязана своими успѣхами. Но спеціализація имѣетъ и темную сторону, если господствуетъ всецѣло на научной почвѣ, не умѣряемая и не руководимая философскими, синтетическими соображеніями, во-первыхъ потому, что за деревьями не будетъ видно лѣса, а во-вторыхъ потому, что спеціалистъ слишкомъ склоненъ односторонне подчеркивать значеніе своей спеціальности и отводить своей части слишкомъ преобладающее мѣсто въ цѣломъ, въ ущербъ другимъ частямъ. Отсюда и рождаются всякія односторонности во взглядахъ на то, что въ исторіи самое важное, основное. Тутъ-то и нужны отъ времени до времени теоретическія работы, которыя бы подводили итоги и указывали каждой части ея положеніе въ цѣломъ.—Кромѣ того есть еще вопросъ, который не обойти ни одному историку: это вопросъ о томъ, какъ происходитъ историческій процессъ? Какова роль личности въ исторіи? Этотъ вопросъ тоже долженъ сдѣлаться предметомъ общаго обсужденія опять таки потому, что смотря по спеціальности съ одного пункта личность можетъ казаться до такой степени колоссальной, что заслонитъ собой другіе факто-

ры исторической жизни; съ другого—она покажется слишкомъ ничтожной, и отсюда можетъ родиться ложный взглядъ, что личность не играетъ роли въ исторіи.—Въ виду этого и необходимо, чтобы писались отъ времени до времени работы методологическія, которыя озирали бы поле исторіи не изъ-за узкаго угла спеціальности, но оглядывали бы историческій процессъ въ его полнотѣ и разнообразіи такъ сказать сверху, съ птичьяго полета.

За послѣднее время, къ счастью, теоретическіе вопросы исторіи оживились благодаря продолжительной полемикѣ, возникшей въ 1896—1897 гг. въ Германіи по поводу взглядовъ, высказанныхъ въ разныхъ статьяхъ Лейпцигскимъ профессоромъ Лампрехтомъ, авторомъ „исторіи германскаго народа“.

Полемика эта чрезвычайно интересна, потому что касается самыхъ важныхъ, принципіальныхъ вопросовъ исторической науки, и результаты ея поэтому весьма существенны. Среди этой горячей борьбы мнѣній опредѣлились извѣстныя точки зрѣнія, съ которыми приходится считаться. Поэтому разсмотрѣніе этого эпизода чрезвычайно важно и оно поможетъ опредѣлить, на чьей сторонѣ правда, и какихъ взглядовъ нужно придерживаться. Понятно, что главною цѣлью нашей работы является попытка систематически изложить и критически оцѣнить взгляды Лампрехта въ связи съ ссылками на критическую оцѣнку, сдѣланную его противниками.

Попытка систематическаго изложенія взглядовъ Лампрехта особенно необходима. По нашему мнѣнію, оппоненты сдѣлали ту ошибку, что, выбирая изъ всего обширнаго матеріала Лампрехтовскихъ статей *отдѣльныя* мысли, опровергали ихъ; но Лампрехтъ оставался неопровержимъ; дѣло въ томъ, что его статьи полны противорѣчій, и поэтому стоило ему сослаться на какое-нибудь положеніе въ своихъ статьяхъ, противоположное разсматриваемому критикомъ — и критика какъ будто оставалась безъ эффекта, т. е. Лампрехтъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ право говорить во всеуслышаніе, что его не поняли, что онъ говорилъ совсѣмъ другое, а вѣдь это во всякомъ случаѣ производитъ впечатлѣніе, и можетъ явиться сомнѣніе въ правотѣ критиковъ. На самомъ же дѣлѣ противники безусловно правы и еще разъ повторяемъ не правы только въ

дробности разбора, которая здѣсь не подходитъ, ибо въ лицѣ Лампрехта мы имѣемъ человѣка, мѣняющаго свою позицію чуть не съ каждой новой статьей и у котораго рѣзко-противоположныя мысли попадаются даже въ предѣлахъ одной страницы. Прочтя одно какое-нибудь сочиненіе устойчиваго писателя, можно даже, не читая другихъ, быть увѣреннымъ, что болѣе или менѣе знаешь его точку зрѣнія, и что въ другихъ сочиненіяхъ найдешь всѣ тѣ же взгляды только развѣ въ другой обстановкѣ деталей и аргументовъ. Здѣсь не то: два собесѣдника, заводящіе разговоръ о Лампрехтѣ, могутъ совершенно разойтись во взглядахъ на него, если прочитаютъ по одной статьѣ,—и каждый будетъ правъ съ своей точки зрѣнія, такъ какъ обѣ спорящія стороны найдутъ подходящія для себя цитаты у Лампрехта. Поэтому нигдѣ такъ не нужно, какъ именно въ данномъ случаѣ, знакомство со взглядами автора въ *полномъ объемѣ*. Тогда еще можно надѣяться уловить основной мотивъ, проходящій черезъ массу маскировокъ, противорѣчій и софизмовъ.

Разобраться въ статьяхъ Лампрехта — не легко, именно благодаря сбивчивости, противорѣчивости и туманности его изложенія. Къ его статьямъ всего лучше примѣнимы слова Дройзена, которыми Лампрехтъ пользуется для характеристики современнаго положенія исторической науки [1]), но которыми мы воспользуемся какъ разъ для характеристики теоретическихъ статей самого Лампрехта: „ἀμέθοδος ὕλη“— вотъ впечатлѣніе, выносимое изъ нихъ! Flimmernder Gedankengang [2])—вполнѣ удачное выраженіе Мейнеке по отношенію къ Лампрехту. Schwer entwirrbare und spitzfindige pseudo-philosophische Dialektik [3])—вотъ какъ характеризуетъ Рахфаль статьи Лампрехта.

Но попытаемся именно путемъ цѣлостнаго обзора Лампрехтовскихъ статей сгруппировать и уяснить себѣ „ἀμέθοδος ὕλη“ его аргументовъ.

Познакомившись со взглядами Лампрехта, мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что основная его мысль такова:

---

[1]) DZfG — 75.
[2]) HZ Bd 77 — 263.
[3]) P. J. 553.

Старое и новое направленія исторіографіи чрезвычайно различны; но разница эта отнюдь не въ *міровоззрѣніяхъ*, какъ это думаютъ представители оспариваемаго Лампрехтомъ стараго направленія [1]). Разница ихъ въ *методахъ* [2]). Старое направленіе считало, что пружиной исторической жизни является выдающаяся личность, что поступки этой личности свободны и цѣлесообразны. Такимъ образомъ старая школа пользовалась въ своихъ историческихъ объясненіяхъ принципомъ *телеологіи*, приводя факты къ сингулярному мотиву [3]). Новая школа ввела *причинность* въ историческое изученіе [4]).

Это первое положеніе, взятое само по себѣ, поражаетъ своей неясностью. Прямо рождается вопросъ: какой такой новый „методъ" представляетъ собой причинность? Вѣдь это не методъ, а условіе всякаго опыта, это коренной постулатъ нашего мышленія, стоящій выше направленій какой бы то ни было школы, и безъ котораго человѣкъ не можетъ сдѣлать ни шагу ни въ жизни, ни въ старой, ни въ новой школѣ. Вѣдь и самъ же Лампрехтъ называетъ причинность *абсолютнымъ* постулатомъ нашего мышленія [5]).

2) Лампрехтъ утверждаетъ въ другомъ мѣстѣ, что причинность и цѣлесообразность не антиподы. Въ самомъ дѣлѣ,

---

1) ...ich denke,... dass die tiefste Bewegung der geschichtlichen Wissenschaft schlieszlich nur von der Entwickelung ihrer Methode abhängig sein kann (A u n R 10; Zkft № 19—253).

Die jüngeren Richtungen fühlen sich grundsätzlich frei von solcher Abhängigkeit (sc. von einer Weltanschanung) HZ Bd 77—260.

2) Ein Unterschied der Methode, nicht der Weltanschaunug liegt. . . .auch dem gegenwärtigen Fortschritt der Geschichtswissenshaft zu Grunde, der die Vertreter des Faches in zwei Heerlager spaltet (A. u n. R 4, Zkft № 19—249).

3) Das vorige Jahrhundert hat . . . noch alles historische Geschehen aus isolirten Einzelhandlungen abgeleitet, mithin auf das gesamte Gebiet der Geschichte die Präsumtionen persönlich—eminenten Zweckhandelns und individualer Psychologie ubertragen. (A u n R 7; Zkft № 19—251).

.... hatte sie als Motor der Erklärung das Zweckprinzip angewandt (A u n R 4; Zkft № 19—249).

ср. также HZ Bd 77—257.

4) Dem trat aber nun immer mehr die Forderung der Anwendung des Kausaltätsprincips entgegen (A u n R 7; Zhft № 19—251).

Vielmebr meine ich, dass die jüngeren Richtungen uberhaupt erst die Kausalität rein in die Geschichte einführen (HZ Bd 77—258).

5) A u n R—8; Zkft № 19—252.

вѣдь цѣлесообразный поступокъ производится по мотивамъ. А что такое мотивъ? Это причинность, прошедшая черезъ сознаніе и историки старой школы всегда обращали вниманіе на мотивизацію [1]).

3) Еще въ одномъ мѣстѣ Лампрехтъ указываетъ на „исключеніе“ въ старой школѣ въ смыслѣ существованія въ ней причинности, именно, — когда всѣ поступки, совершаемые однимъ лицомъ, выводятся причинно изъ его природнаго расположенія какъ изъ фокуса [2]). Но вѣдь уже „исключеніе“ указываетъ на не непреложность правила и, слѣдовательно, Лампрехтъ впадаетъ въ противорѣчіе: причинность въ старой школѣ признана, да и не могла не быть признанной, потому что считать пружиной исторической жизни лицо и его цѣлесообразные поступки—значитъ не что иное, какъ считать ихъ причинами въ историческомъ процессѣ. Въ чемъ же дѣло? какъ могла Лампрехту притти въ голову странная мысль—провозгласить причинность привиллегіей одной новой школы? Но ларчикъ открывается просто: оперируя съ терминами общепонятными и общеупотребительными, Лампрехтъ придаетъ имъ однако свой специфическій скрытый смыслъ, который и не мѣшаетъ выводить на чистую воду.

Попытаемся вникнуть глубже въ то содержаніе, которое замаскировано Лампрехтовскимъ понятіемъ причинности и пресловутымъ „новымъ методомъ“. Вѣдь разъ причинность обозвана у Лампрехта „методомъ“, стало быть ясно, что въ ней таится что-то особенное, не ясное для насъ, когда мы говоримъ о причинности. Подъ причинностью на первыхъ порахъ Лампрехтъ разумѣетъ обусловленность историческихъ лицъ извѣстной обстановкой и вліяніе условій на ходъ исторической жизни [3]). Но вѣдь это вовсе не вытекаетъ изъ самаго понятія причинности на столько, чтобы не нужно было этого уяснять. Странный пріемъ ученаго—заставлять читателя путемъ головоломной работы самому догадываться, что авторъ хочетъ выразить своими терминами! Но послѣдуемъ

---

1) DZfG—90.

2) A u n R 9; Zkft № 19—253.

3) Wir fühlen uns einig in dem Bedürfniss gegenüber der Thaten grosser Personen auch die Zustände, die Massenbewegungen zu Worte kommen zu lassen (Zkft № 7—307).

дальше за Лампрехтомъ. Итакъ, 1) первоначальная исторіографія, старая школа считала причиною историческихъ событій выдающуюся личность, игнорируя условія, массовыя явленія, какъ причины историческаго движенія; 2) она считала поступки историческихъ дѣятелей совершенно свободными по отношенію къ условіямъ; для нея причины, мотивы поступковъ лежали въ самомъ лицѣ, его характерѣ и стремленіяхъ; за личностью она такимъ образомъ съ одной стороны не видала другихъ параллельныхъ причинъ, а съ другой стороны она не замѣчала обусловленности, зависимости личности и ея поступковъ отъ историческаго фона, на которомъ происходятъ эти поступки. Поэтому старое направленіе можетъ быть названо *индивидуалистическимъ* [1]).

Но такая свобода и значеніе личности вызвали реакцію въ лицѣ новой школы. Противъ односторонняго взгляда стараго направленія, по которому исторія есть *только* исторія выдающихся личностей (sic!) [2]), новое направленіе выставило положенія, что 1) и массовые поступки суть тоже причины историческаго движенія наряду съ индивидуальными [3]) и что 2) кромѣ того изъ массовыхъ поступковъ слагаются условія, являющіяся фономъ, на которомъ дѣйствуютъ выдающіяся личности. Масса обусловливаетъ собой ихъ поступки, связываетъ ихъ свободу, т. е. принижаетъ ихъ болѣе или менѣе до себя. Такимъ образомъ, новая школа измѣнила взглядъ на историческую выдающуюся личность, сдѣлавъ ее изъ свободной — зависимою отъ условій: поступки самыхъ

---

[1]) Kein Zweifel nämlich, dass die Individualgeschichte ihre grossen Persönlichkeiten ursprünglich als völlig frei handelnd dachte (Zkft № 6—249).

ср. также HZ Bd 77—257.

[2]) Erkennt man, freilich nach der unpsychologischen Auffassungsweise der älteren Richtungen nur in der Geschichte eminenter Personen nicht aber auch in der Zuständegeschichte Personengeschichte an, so .... usw (HZ, Bd 77—258).

[3]) ...Keineswegs allein die eminenten Persönlichkeiten die Welt der menschlichen Erscheinungen bewegen, sondern ebenso thätig in ihr die menschliche Menge selbst, die Gesellschaft sei und zwar nach allen Seiten menschlichen Wirkens hin (Zkft № 6—249).

......die... Zustände... als konkurrirende Ursachen der geschichtlichen Bewegung (Zkft № 27—25); ср. также Zkft № 14—24, 26.

Zkft № 14 - 25.

выдающихся людей—говоритъ Лампрехтъ—должны быть объясняемы причинно (т. е. изъ массовыхъ условій [1]). При этомъ новое направленіе признаетъ, что даже на высшихъ, не говоря уже о низшихъ культурныхъ ступеняхъ, личное начало очень ограничено условіями [2]). Наконецъ, есть цѣлыя области, гдѣ ограниченность доходитъ до maximum'а—это области миѳологіи, языка, права, хозяйства [3]).

Вслѣдствіе такого признанія значенія массъ, новое направленіе, въ противоположность старому *индивидуалистическому* направленію исторіи, можетъ быть названо *коллективистическимъ* [4]).

Итакъ, старые историки — индивидуалисты. Если бы вся эта характеристика относилась къ давно минувшимъ временамъ исторіи, то никто не сталъ бы оспаривать ее: прагматизмъ нѣкогда господствовалъ на почвѣ исторіи. Но у Лампрехта подъ старыми историками разумѣются Ранке и его школа, къ которой причисляютъ себя оппоненты Лампрехта. Они обзываются Лампрехтомъ индивидуалистами на столько, что все приписываютъ въ исторіи лицу, считаютъ его совершенно свободнымъ отъ условій [5]). Итакъ, точка зрѣнія Ранке и его школы безусловно, рѣзко индивидуалистическая по мнѣнію Лампрехта, какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ.

Хотя Ранке съ лѣтами постепенно и ограничивалъ произволъ историческихъ лицъ [6]), но все же онъ оставался при этомъ индивидуалистомъ, потому что это ограниченіе личности исходило у него не изъ условій, массовыхъ явленій, среди которыхъ протекаетъ дѣятельность историческаго лица, а иначе: личная дѣятельность, такъ сказать, стушевывалась предъ „идеей". „Идеи" у Ранке, по мнѣнію Лампрехта, мистическія силы, берущія свое начало изъ высшаго источни-

---

[1]) Darum müssten sich im Grunde.... alle auch die eminent-individuellen Handlungen schliesslich doch durch den kausalen Nexus erklären lassen (A u n R 8, Zkft № 19—252).

[2]) DZfG 104.

[3]) DZfG 106—107.

[4]) Zkft № 6—249.

[5]) HZ Bd 77—257; Zkft № 6—249; Es ist ein Standpunkt, der heute die Praxis.... weithin beherrscht (A u n R 7; Zkft № 19—251).

[6]) DZfG 105.

ка и осѣняющія выдающихся людей [1]). Такимъ образомъ, личная сила послѣднихъ, т. е. ограничивается помощью свыше [2]). Но такое ограниченіе человѣка свыше — вполнѣ индивидуалистично, ибо не только не ограничиваетъ соободы человѣка по отношенію къ средѣ, къ условіямъ, но скорѣе наоборотъ преувеличиваетъ значеніе лица, какъ носителя, проводника въ жизнь—движущаго начала—„идеи". Не мало страницъ книги Лампрехта „Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft" посвящены ученію Ранке объ „идеяхъ" и доказательству того, что это не болѣе какъ мистика и метафизика. Мы не будемъ входить здѣсь въ подробный разборъ взглядовъ Лампрехта и надѣемся, что одна выписка изъ Ранке вполнѣ достаточна для того, чтобы сокрушить разглагольствованія представителя новаго метода и пролить настоящій свѣтъ на это, по мнѣнію Лампрехта, мистическое ученіе. Открываемъ сочиненіе Ранке „Ueber die Epochen der neueren Geschichte" и на стр. 7-й читаемъ: „подъ руководящими идеями я разумѣю не что иное, какъ господствующія тенденціи каждаго вѣка". Итакъ, Ранке ясно и вразумительно говоритъ, что идеи это—господствующія тенденціи эпохи, вліяющія на людей, но притомъ такъ, что не абсорбируютъ личность; наоборотъ, оригинальные умы сами реагируютъ на нихъ. Такъ происходитъ историческое движеніе. Вотъ въ какомъ видѣ представляются „идеи", эмпирически взятыя. Такъ понимаютъ ихъ и оппоненты Лампрехта—Мейнеке и Рахфаль. Они говорятъ, что метафизика въ ученіи объ „идеяхъ" у Ранке является только въ вопросѣ о происхожденіи ихъ и въ связи съ тѣмъ талантомъ, той оригинальностью и моральной энергіей, которыя приноситъ съ собой личность въ міръ [3]). Вѣдь тутъ дѣйствительно — область не-

---

[1]) Meiner Ansicht nach beruht die Ranke'sche Ideenlehre eben darauf, dass mystische transcendentale geistige Kräfte—die Ideen—vornehmlich und grundsätzich in grosse Individuen einflieszen und von ihnen im Sinne zu verwirklichender Zwecke gedacht werden (HZ Bd. 77—257). Ranke... musste in den grossen geschichtlichen Zusammenhängen göttliche Manifestationen, Offenbarungen eines hinter der uns vernunftmäszig erkennbaren Welt stehenden Gottes sehen. Es est die... Wurzel seiner Ideenlehre (A u n R 36).

[2]) Göttliche Emanation (DZfG 108).

[3]) HZ Bd 77—262.

понятнаго, тутъ мы стоимъ лицомъ къ лицу съ фактомъ, уже необъяснимымъ естественными причинами. Религіозный Ранке и прибѣгъ здѣсь къ такому метафизическому объясненію, что предъ нами—Божій даръ, и поэтому метафизика Ранке имѣетъ глубокій смыслъ. Съ этой точки зрѣнія невольно припоминаются удачныя слова одного нѣмецкаго ученаго: „Die Persönlichkeit ist das Frappierende in der Geschichte". А вотъ что говорятъ и представители новаго направленія: „нужно сознаться, что геніальный человѣкъ всегда останется отчасти необъяснимымъ и непонятнымъ [1]), и что всегда останется нѣчто ирраціональное, необъяснимое въ личности [2]). Да вѣдь, положа руку на сердце, надо согласиться съ Hintze, что мы всегда стоимъ въ концѣ концовъ предъ непроницаемой тайной, недоступной нашему пониманію. Тайна эта—жизнь, и раскрыть ее не могутъ ни естественныя, ни гуманитарныя науки [3]). Нашъ новый методологъ однако кажется мнитъ, что онъ со своимъ „новымъ причиннымъ методомъ" уже проникъ во всѣ тайны земли и неба и съ крайней самоувѣренностью восклицаетъ: So viel ist klar: in dem Augenblicke da wir die reifsten Früchte vom Baume der Erkenntniss pflücken werden, werden wir Alle Gott schauen [4]). Это звучитъ какъ-то наивно и свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ недостаткѣ вдумчивости [5]). Вдумчивые, критическіе, философствующіе умы никогда не забываютъ, что „ignorabimus" въ сильной степени является удѣломъ человѣка.—Однако возвратимся къ Ранке. Мы попытались показать, что Лампрехтъ узко понялъ его взгляды, и что Ранке вовсе не грѣшилъ признаніемъ какого-то абсолютнаго произвола личности. Да и послѣдователи его не повинны въ томъ, въ чемъ ихъ обвиняетъ Лампрехтъ: они признаютъ значеніе массовыхъ условій. Да вѣдь это признаніе стало уже такимъ трюизмомъ, что можно назвать совершеннымъ абсурдомъ его отрицаніе у историковъ старой школы, когда оно подчеркивается даже въ школьныхъ программахъ.—Тѣмъ

---

[1]) Pirenne въ RH.—стр. 55.
[2]) Breysig въ DZfG NF I № 7/8 стр. 207.
[3]) HZ Bd. 78—65.
[4]) A u n R 10—11; Zkft № 19—254.
[5]) ср. замѣчаніе Рахфаля въ JfNö u S. III F. 13 Bd. Heft 5—674.

не менѣе приведемъ здѣсь слова Лампрехтовскихъ оппонентовъ. Мейнеке говоритъ: „Отъ якобы характеризующаго старое направленіе взгляда, что исторія есть только исторія выдающихся личностей, я чувствую себя совершенно свободнымъ“. Подобно новому направленію и старое обращаетъ вниманіе на массы [1]). То же говоритъ и Hintze: индивидуальная жизнь вездѣ включена въ общественныя рамки и находится въ большей или меньшей степени зависимости отъ коллективныхъ силъ. Коллективныя силы дѣйствуютъ наряду съ индивидуумами; ихъ дѣйствіе производитъ значительный эффектъ и оказываетъ поддержку индивидуальному поступку [2]). Вотъ что говорятъ обвиняемые Лампрехтомъ представители стараго направленія. Да a priori невозможно представить, чтобы въ наше время историки говорили что-либо другое. Рѣзкая Карлейлевская точка зрѣнія врядъ ли находитъ последователей: нѣтъ никакихъ основаній лишать пословицу „одинъ въ полѣ не воинъ“ значенія по отношенію къ историческому процессу. Замѣчательно, что если даже держаться ультра-индивидуалистической точки зрѣнія à la Carlyle, то изгнать значенія массы все-таки не удастся: она непремѣнно всплыветъ гдѣ-либо въ ходѣ разсужденій. Вѣдь въ концѣ концовъ, если даже Карлейль признаетъ, что выдающійся человѣкъ – молнія, а масса только горючій матеріалъ, то вѣдь она должна же во всякомъ случаѣ быть горючей, имѣть способность загорѣться, имѣть сочувствіе къ выдающемуся человѣку, и тому же Карлейлю волей-неволей въ другомъ мѣстѣ приходится говорить о внутреннемъ сродствѣ героя и толпы. — Мы употребили нарочно „волей-неволей“ именно потому, что здѣсь дѣйствуетъ т. с. роковой законъ нашего ума: разъ мы имѣемъ 2 факта, находящіеся въ взаимодѣйствіи, мы неизбѣжно должны искать причинъ эффекта, возникшаго изъ взаимодѣйствія,—въ томъ и другомъ и, пробуя замалчивать одинъ изъ нихъ, безсознательно упомянемъ его гдѣ-либо въ ходѣ нашихъ разсужденій. Но то, что у односторонняго индивидуалиста всплыло, можетъ быть, безсознательно, путемъ необходимаго умственнаго процесса, то у умѣрен-

---

1) HZ Bd. 77–263, 264.

2) HZ Bd. 78—64.

наго историка сознательно признается важнымъ факторомъ исторической жизни, и этотъ факторъ, т.-е. коллективныя силы, *признается* историками стараго направленія. Слѣдовательно Лампрехтъ напрасно считаетъ это признаніе только новымъ словомъ своего направленія. Выходитъ, значитъ, что Лампрехтъ боролся не со старой школой, а съ призракомъ, имъ самимъ же созданнымъ. Но фикція гдѣ нибудь да прорвется: какъ ни замалчивай факта, непремѣнно, въ минуту забвенія, проговоришься и упомянешь о немъ. Такъ случилось и съ Лампрехтомъ: вопреки своей собственной аттестаціи, выданной имъ старой школѣ, онъ въ одномъ мѣстѣ скромно кается: „мои соображенія о Ранке, конечно, односторонни. Писать объ Ранке, какъ объ историкѣ вообще не входило въ мою задачу“ [1]). И внезапно идутъ сужденія о старой школѣ совершенно *обратныя* тѣмъ, которыя мы только что разсматривали, а именно: и индивидуалисты признаютъ значеніе среды [2]). Наконецъ, оказывается, что и взгляды Ранке понимаются уже иначе, именно такъ, какъ понимаютъ ихъ Лампрехтовскіе оппоненты и самъ Ранке: „ясно, говоритъ Лампрехтъ, что идеи это соціально-психическія теченія извѣстнаго времени“ [3]).

Итакъ, въ чемъ же дѣло? Откуда полемика, если самъ Лампрехтъ утверждаетъ, что старая школа признавала значеніе среды, условій,—того, что онъ называетъ соціально-психическими факторами, а старая школа подтверждаетъ, что она признаетъ значеніе массъ въ исторіи?

Но при этомъ старая школа строго придерживается того взгляда, что личность не поглощается массовыми условіями, что при всей зависимости отъ нихъ она имѣетъ долю свободы, бо̀льшую или меньшую, смотря по личности [4]) и благодаря этому сама можетъ являться важной движущей пружиной исторической жизни.

Можетъ быть споръ и идетъ какъ разъ о томъ, что Лам·

---

[1]) Zkft № 7—301.

[2]) Charakter der modernen Biographie. Hier wo wir die besondere Betonung des Persönlichen erwarten dürfen, finden wir selbst bei extremen Jndividuali sten trotz allem eine weitgehende Betonung des Milieus. DZfG. 106.

[3]) Zkf t№ 14—30.

[4]) HZ Bd 77—264.

прехтъ отрицаетъ этотъ взглядъ старой школы, что онъ совсѣмъ не признаетъ за личностью никакого значенія въ исторіи, съ чѣмъ конечно никогда не согласятся историки стараго направленія? Нѣтъ! вотъ мѣста, говорящія совсѣмъ обратное: исторія быта, говоритъ Лампрехтъ, тѣсно, неразрывно сплетается съ исторіей выдающихся личностей (вносящихъ свое творчество въ жизнь) [1]. Причинность въ поступкахъ лица бываетъ внѣшняя и внутренняя [2]). Въ послѣднемъ отношеніи, слѣдовательно, устанавливается оригинальность личности, какъ элемента, фактора исторіи и слѣд., взглядъ Лампрехта въ данномъ случаѣ вполнѣ подходитъ къ высказанному Мейнеке: „отдѣльные элементы, составляющіе личность, могутъ стекаться изъ различныхъ источниковъ, но *что* они связаны и *какъ* они связаны это скорѣй дѣло апріорнаго x въ человѣкѣ [3]). Точно также ни одинъ историкъ стараго направленія не можетъ спорить противъ такого широкаго взгляда на ходъ историческаго процесса: историческій процессъ слагается изъ совмѣстнаго дѣйствія индивидуальныхъ и коллективныхъ силъ [4]), героевъ и массъ, личностей и условій [5]). Совершенно также смотритъ на исторію хотя бы Hintze, оппонентъ Лампрехта [6]).

Итакъ, повидимому, не стоитъ спорить. Если Лампрехтъ *такъ* понимаетъ новое направленіе, то между нимъ и старымъ и нѣтъ никакого принципіальнаго различія. Оппоненты Лампрехта какъ разъ это и утверждаютъ. Мейнеке говоритъ, что здѣсь только различіе въ градаціяхъ; новое направленіе только *сильнѣе* подчеркнуло значеніе условій, *болѣе* выдвинуло *объясненіе историческихъ дѣяній изъ* генерическихъ мотивовъ; Hintze тоже говоритъ, что это только *дополненіе*, но никакъ не *переворотъ* въ исторической наукѣ [7]). Въ томъ же духѣ выражается и Рахфаль [8]). Таково же и мнѣніе Pirenne, явно склоня-

---

[1]) A u n R 6,7; Zkft № 19—250,251.
[2]) DZfG 89.
[3]) HZ Bd 77—265.
[4]) Zkft № 14—25, 26.
[5]) Zkft № 14—24.
[6]) HZ Bd 78—64.
[7]) HZ Bd 78—66.
[8]) P. J 1896 Heft 3—542, 543.

ющагося на сторону новаго направленія. Въ своей статьѣ: Une polémique historique en Allemagne онъ спрашиваетъ: есть ли между этими (т.-е. Лампрехтовскими) взглядами и взглядами представителей стараго направленія принципіальное различіе? И отвѣчаетъ: врядъ ли [1]). Тоже самое говоритъ и одинъ изъ представителей новаго направленія, профессоръ Берлинскаго Университета Breysig, написавшій интересную статью „Ueber Entwicklungsgeschichte [2]), очевидно подъ вліяніемъ полемики. Авторъ тоже такъ смотритъ на новое направленіе, что оно только *углубило* причинное изученіе историческихъ фактовъ; да наконецъ и самъ Лампрехтъ, вопреки своему собственному разграниченію стараго и новаго направленій *принципіальною* гранью, въ одной изъ своихъ статей даетъ какъ разъ наоборотъ именно только *градуальное* различіе между этими направленіями [3])—разница ихъ заключается въ количествѣ свободы и значенія личности передъ массовыми условіями: старая школа склоняется къ большей свободѣ и большему значенію индвидуума, а новая—къ меньшей роли индивидуума и бо̀льшему вліянію массы.

Итакъ, о чемъ же споръ?

На это мы отвѣтимъ: споръ былъ бы непонятенъ и не имѣлъ бы *достаточныхъ основаній*, еслибы въ сочиненіяхъ Лампрехта, мы встрѣчались *только* съ такими умѣренными взглядами на исторію, какіе мы только что разсматривали. Но дѣло въ томъ, что положенія Лампрехта до такой степени противорѣчивы, что каждому умѣренному взгляду соотвѣтствуетъ рѣзко—односторонній, такъ что передъ нами въ сущности два Лампрехта—одинъ умѣренный, взгляды котораго не могутъ не быть принятыми его оппонентами, потому что это давно и ихъ взгляды. Рахфаль очень мѣтко говоритъ по этому поводу: „что дѣйствія исторической личности должны быть объясняемы и изучаемы съ точки зрѣнія условій и внѣшнихъ вліяній, изъ обстановки и среды—этотъ вѣрный пунктъ въ доктринѣ Лампрехта... вовсе не оригинальная мысль. Это мы знаемъ уже давно“ [4]). И въ самомъ дѣлѣ объ этомъ заговорили

---

[1]) RH.—57.

[2]) DZfG N F I № 7/8—195.

[3]) Zkft № 6—251.

[4]) J. f. Nö u S III F. Bd 13 Heft 5—стр. 688.

уже въ XVIII вѣкѣ, а въ нашъ вѣкъ это сдѣлалось такой аксіомой, что Лампрехту нечего лишній разъ напоминать о ней: это не новое слово, а повтореніе задовъ! Но споръ возникъ конечно не по поводу этихъ общепризнанныхъ взглядовъ, высказанныхъ *умѣреннымъ* Лампрехтомъ. Споръ возникъ потому, что изъ-за цѣлой массы аргументовъ обрисовывается предъ нами другой Лампрехтъ, *нетерпимый и односторонній*, положенія котораго совершенно противоположны этимъ умѣреннымъ взглядамъ. Съ этимъ то *вторымъ* Лампрехтомъ и спорятъ и не хотятъ мириться его противники, и этотъ то Лампрехтъ тоже рѣшительно и упорно отклоняетъ всякое примиреніе и рѣзко отстаиваетъ свое качественное, принципіальное различіе отъ старой школы, и оно дѣйствительно есть, какъ мы увидимъ, когда познакомимся съ этимъ „вторымъ“ Лампрехтомъ. Но для удобства соберемъ всѣ его противорѣчія и подъ пунктами *a* приведемъ его неоспоримыя, умѣренныя сужденія, а подъ пунктами *в* и *c* тѣ рѣзкіе взгляды изъ-за которыхъ и возгорѣлся споръ.

1. *a*) Причинность не противоположна цѣлесообразности [1]).

в) Причинность и цѣлесообразность—два разныхъ метода [2]).

2. *a*) Соціальные факторы, какъ причины историческихъ дѣяній извѣстны и старой школѣ [3]). „Идеи“ Ранке не что иное какъ соціально-психическія теченія извѣстнаго времени [4]).

в) Старая школа (Ранке) выводитъ весь историческій процессъ изъ индивидуально—цѣлесообразныхъ поступковъ единичныхъ выдающихся личностей [5]), считаетъ ихъ поступки свободными отъ условій [6]) и вводитъ въ исторію какія-то мистическія силы (=„идеи“ Ранке) [7]). Новая школа впервые ввела причинность въ изученіи исторіи [8]).

3. *a*) Личное начало ограничено массовыми явленіями, такъ что и самые выдающіеся поступки должны быть объ-

---

[1]) DZfG. 90.
[2]) A и n R 4. Zkft № 19—249;
[3]) DZfG 106;
[4]) Zkft. № 14—30.
[5]) HZ Bd. 77—258.
[6]) Zkft № 6—249.
[7]) HZ Bd. 77—257;
[8]) HZ Bd. 77—258.

ясняемы причинно [1]) (что какъ мы видѣли по Лампрехту значитъ „изъ условій“). Ограниченіе это вообще весьма велико [2]), но можетъ имѣть разныя градаціи и въ нѣкоторыхъ областяхъ достигаетъ maximum'а [3]). При всей зависимости отъ типической ступени развитія своей эпохи, человѣкъ конечно можетъ находиться и подъ вліяніемъ другихъ массовыхъ условій [4]), (что очевидно даетъ ему извѣстную оригинальность). Послѣдняя вытекаетъ еще и изъ того, что причинность поступковъ лица бываетъ внѣшняя и внутренняя [5]). (а слѣд., въ направленіи и характерѣ поступковъ участвуютъ и специфическія внутреннія свойства личности, т.-е. другими словами личность не поглощается средой).

b) Личное начало по отношенію къ массѣ совершенно стушевывается, ибо всѣ люди, живущіе въ одинаковыхъ условіяхъ, поступаютъ въ общемъ одинаково, а слѣдовательно несвободно, безцѣльно [6]) (т. е. автоматически), увлекаемые общею соціальною волею [7]). Впрочемъ, въ такомъ положеніи несвободы люди находятся только въ качествѣ соціальныхъ существъ, членовъ общественнаго союза. Они могутъ имѣть и индивидуальныя свойства [8]) (но не какъ члены общественнаго союза, а т. е. какъ частныя лица).

c) Только поступки сѣрой массы генеричны, лишены всякой свободы, совершенно связаны условіями. Выдающіяся же личности совершенно свободны сравнительно съ массой, ихъ индивидуальные поступки чрезвычайно возвышаются надъ массовыми поступками [9]) (полная противоположность сказанному въ пунктахъ 3*a* и 3*b*).

4 *a*) Исторія быта (Zuständegechichte) и исторія выдающихся личностей тѣснѣйшимъ образомъ сплетаются между собой,

---

[1]) A u n R 8; Zkft № 19—252.
[2]) DZFG 104;
[3]) DZfG 106—107;
[4]) Jf Nö u S. Heft 6—886;
[5]) DZfG 89.
[6]) HZ Bd. 77—258; A u n R—6; Zkft № 19—250;
[7]) DZfG 81.
[8]) DZfG 82;
[9]) HZ Bd. 77—258.

неотдѣлимы и не могутъ существовать въ абсолютномъ разграниченіи другъ отъ друга [1]).

b) Для исторіи быта массъ примѣнимъ только принципъ причинности. Это сфера эволюціи. Поступки здѣсь несвободны, генеричны. Поэтому здѣсь особый методъ сравнительно съ исторіей выдающихся личностей. То и другое представляетъ собой двѣ отдѣльныхъ, различныхъ области исторіи [2]) (сообразно сказанному подъ 3с).

Вотъ основныя противорѣчія у Лампрехта, рѣзко бросающіяся въ глаза. Кажется, выраженіе Мейнеке „flimmernder Gedankengang" не только оправдывается, но даже слишкомъ мягко для характеристики аргументаціи Лампрехта. Теперь читатель вѣроятно согласится съ тѣмъ, что мы сказали въ самомъ началѣ своей статьи, что два собесѣдника, разговаривающіе о Лампрехтѣ, могутъ съ цитатами въ рукахъ проводить 2 совершенно противоположныхъ взгляда на его воззрѣнія, потому что даже при бѣгломъ взглядѣ на приведенную таблицу видно, что передъ нами *два* Лампрехта. Читатель согласится теперь, вѣроятно, и съ тѣмъ, что для полноты критической оцѣнки взглядовъ Лампрехта необходимо цѣлостное знакомство съ ними, для того чтобы при указаніи на одинъ его взглядъ и опроверженіи его не давать возможности Лампрехту защищаться ссылкой на положеніе, содержащееся въ другой группѣ взглядовъ и, прибѣгая къ этому, какъ къ ultimum refugium, якобы побивать противника ссылкой на цитаты противоположнаго характера. Оттѣнивъ противорѣчія, мы тѣмъ самымъ лишимъ Лампрехта возможности защищаться, ибо противорѣчіе есть не орудіе защиты, а напротивъ нетерпимое явленіе въ научной системѣ, свидѣтельствующее о ея полнѣйшей слабости и несостоятельности. Пока-же противорѣчія не формулированы такими рѣзкими противопоставленіями, они могутъ ускользнуть отъ вниманія читателя, и читатель можетъ подумать, что критика несправедлива къ Лампрехту, послѣдній же дѣлаетъ ловкое отступле-

---

[5]) Auf's Jnnigste verquickt (A u n R 6; Zkft. № 19—251); überall auf historischem Boden mit einander verknüpft (A и n R 7: Zkft № 19—251);

[2]) Es handelt sich um den Gegensatz zwischen Zustandsgeschichte... und Geschichte eminenter Persönlichkeiten (HZ Bd. 77—258).

ніе въ пункты *a*. Примѣромъ этого можетъ служить, напр., слѣдующій эпизодъ изъ полемики. На основаніи цитатъ подъ пунктомъ 4*b*, мы безъ сомнѣнія видимъ, что Лампрехтъ отдѣляетъ *рѣзкою* гранью исторію быта и исторію выдающихся личностей. Это вызвало справедливые протесты Мейнеке [1]) и Hintze [2]), утверждающихъ, что то и другое тѣсно связано и находится въ постоянномъ взаимодѣйствіи. И что же возражаетъ Лампрехтъ? „Если Hintze думаетъ, что я... противопоставилъ индивидуальную и коллективную сферы исторической жизни, то я не вижу, какія мои соображенія подали ему поводъ къ такому ошибочному утвержденію“ [3]). Но мы теперь видимъ, что его защита посредствомъ пункта 4*a* не можетъ имѣть силы, разъ мы имѣемъ 4*b* и 3*c*. Стало быть этотъ вопросъ Лампрехта. предложенный оппоненту, для насъ не болѣе какъ уловка человѣка, окончательно запутавшагося въ собственныхъ противорѣчіяхъ, а не законный протестъ, какъ это могло бы казаться читателю, не собравшему воедино рѣзкія разногласія въ воззрѣніяхъ Лампрехта. Имѣя въ рукахъ достаточно цитатъ, мы видимъ, что Hintze не клевещетъ, а приписываетъ своему противнику только то, что у него дѣйствительно есть; если же Лампрехтъ, съ цѣлью защиты, ссылается на свои собственныя противорѣчія, то онъ этимъ только сильнѣе выставляетъ на видъ свою безпомощность.

Но теперь рождается вопросъ: гдѣ же *настоящій* Лампрехтъ, Лампрехтъ *строгаго* стиля? Что составляетъ его коренные взгляды—пункты *a* или пункты *в*? Нечего говорить, что красную нить, основной мотивъ, проходящій черезъ всѣ его разсужденія, надо искать подъ пунктами *b* и *c*. А что въ этихъ именно пунктахъ заключены задушевные взгляды Лампрехта, это уже ясно изъ того, что въ нихъ содержится нѣчто такое, чего не признаетъ старое направленіе, изъ за чего возникъ споръ, и что самъ Лампрехтъ считаетъ тѣмъ новымъ, что отдѣляетъ его направленіе отъ взглядовъ его оппонентовъ. И если Лампрехтъ не хочетъ мириться, то опять-таки очевидно потому, что корень всѣхъ его взглядовъ именно заклю-

[1]) HZ Bd. 77—263;

[2]) HZ Bd. 78—64, 3 строка сверху.

[3]) Zkft № 14—27.

чается въ этихъ пунктахъ: изъ-за нихъ то и произошелъ разрывъ историковъ на два враждебныхъ лагеря. Поэтому сдѣлаемъ теперь систематическій обзоръ этихъ положеній и попытаемся оцѣнить, поскольку они основательны. Для удобства мы раздѣлимъ нашъ обзоръ на двѣ части, т.-е. на *историческую статику и историческую динамику*; въ первой части мы прослѣдимъ, какъ Лампрехтъ смотритъ на отношеніе личности къ условіямъ, составляющимъ извѣстный историческій *моментъ*; во второй—попытаемся понять, какъ представляетъ онъ себѣ историческія *перемѣны*.—Конечно, то и другое тѣснѣйшимъ образомъ связано. Матеріаломъ для характеристики Лампрехтовской исторической статики служатъ намъ главнымъ образомъ нѣкрторыя мысли Лампрехта, сгруппированныя нами въ пунктѣ 3*b*. Внимательно вчитываясь въ нихъ, мы не ошибемся, если скажемъ, что главная мысль, проходящая черезъ нихъ, такова: личность есть фокусъ условій, аггрегатъ внѣшнихъ вліяній, безъ остатка растворяющійся въ нихъ. До тѣхъ поръ. пока научное положеніе не доказано, до тѣхъ поръ оно есть petitio principii. Лампрехтъ повидимому, старается подобрать рядъ доказательствъ въ пользу этого своего основного взгляда. На самомъ же дѣлѣ, какъ читатель сейчасъ увидитъ, онъ приводитъ только рядъ псевдо-доказательствъ—и „псевдо“ потому, что въ нихъ въ скрытомъ видѣ заключено уже то petitio principii, которое они должны якобы подтвердить.

Во-первыхъ, мы встрѣчаемся у Лампрехта съ такимъ софизмомъ, который можетъ сбить съ толку, если его не разоблачить. Онъ говоритъ, что новое направленіе хочетъ быть чисто эмпирическимъ. Оно хочетъ съ своей эмпирической точки зрѣнія, своими специфическими средствами понять эмпирически данное въ индивидуумѣ. Все остальное оно предоставляетъ заоблачнымъ полетамъ философіи [1]; это, конечно, намекъ на трансцендентное у Ранке. Все это мѣсто—очевидный софизмъ. Конечно объяснить врожденное, апріорное

[1]) Sie (sc. die jüngeren Richtungen) wollen reine Empiriker sein. Sie suchen... den erfahrungsmässig gegebenen Kern des Individuums zu begreifen... Alles weitere überlassen sie den ikarichen Bestrebungen der speculativen Philosophie (H. Z. Bd. 77—260).

въ человѣкѣ не эмпиризмъ, а „ikarische Bestrebung“, но вѣдь какъ фактъ оно тоже дано на опытѣ, какъ и другіе элементы, составляющіе личность. Но то-то и дѣло, что эмпиризмъ Лампрехта состоитъ въ ингорированіи внутренняго опыта, и если снять маску съ термина „эмпиризмъ“, то окажется, что въ немъ скрыто petitio principii: эмпирически данное—только *внѣшнія* вліянія на личность. Такимъ образомъ, оказывается, что то, что, Лампрехтъ называетъ эмпиризмомъ, есть предвзятая теорія.

Другимъ псевдодоказательствомъ того, что личность всецѣло поглощается условіями,—служатъ слѣдующія соображенія Лампрехта: психологія есть основа исторической науки. Съ этимъ безусловно вѣрнымъ соображеніемъ никто не можетъ спорить. Но затѣмъ идутъ уже односторонніе выводы изъ него. Прежняя исторіографія опиралась на индивидуальную психологію; новая школа кладетъ въ основу своего изученія — коллективную, изслѣдующую положеніе индивидуума въ массѣ. А по коллективной психологіи выходитъ, что общая воля увлекаетъ личность, такъ какъ, въ этой волѣ заключается сила, стоящая выше личнаго сопротивленія [1]). Противъ силы условій, массовыхъ вліяній никто не будетъ спорить съ Лампрехтомъ, но что человѣка масса увлекаетъ фатально путемъ импульсовъ, исходящихъ т. с. изъ соціальной души, что человѣкъ только безвольный, безсознательный исполнитель ея велѣній—это утрировка. Намъ кажется, что здѣсь есть нѣкоторая подтасовка фактовъ: массовыя *условія* смѣшаны съ массовыми *порывами*, движеніями. Но это два различныхъ явленія: тамъ поглощеніе личности обусловливается *ускореннымъ* темпомъ, вліяніемъ аффекта, когда толпа образуетъ одинъ волнующійся, живой необузданный организмъ. Здѣсь масса—это *мирно* прозябающіе люди. Общее состояніе ея будетъ сильно дѣйствовать на отдѣльнаго члена, но фатальнаго, безвольнаго, всецѣлаго подчиненія индивидуума массѣ сдѣсь не произойдетъ непремѣнно, какъ этого можно ожидать (да и то не съ абсолютной достовѣрностью) въ первомъ случаѣ. Но очевидно, что своей ссылкой на соціальную душу Лампрехтъ именно имѣлъ въ виду сдѣлать изъ чело-

---

[1]) DZfG 81,82.

вѣка *безвольнаго* члена соціальнаго организма. По отношенію къ соціальному организму всѣ люди равны и одинаковы—вотъ его мысль [1]).

Понятно, однако, для того, чтобы человѣкъ являлся игрушкой коллективныхъ силъ, нужно себѣ представить его какой то tabula rasa, не могущей реагировать съ своей стороны на коллективно психическіе импульсы: иначе невозможно представить себѣ то рѣзкое противопоставленіе коллективной психологіи—индивидуальной, изъ котораго можно сдѣлать выводъ, что Лампрехту представляется будто коллективная психологія уже устранила, замѣнила собой индивидуальную, поскольку дѣло касается соціальныхъ наукъ.—Но это представленіе совершенно невѣрно: 1) какъ можетъ коллективная психологія безапелляціонно предписывать свои правила индивидуальной, когда коллективное-то въ концѣ концовъ слагается изъ индивидуальныхъ единицъ и 2) разсматривая вопросъ объ отношеніи индивидуума къ обществу, мы опять таки стоимъ предъ фактомъ *взаимодѣйствія*, и слѣдовательно результатъ долженъ зависѣть и отъ свойствъ личности. Разъ общественныя силы дѣйствуютъ на личность, совершенно ненаучно игнорировать свойства того объекта, къ которому эти силы приложены.—Чтобы иллюстрировать это путемъ аналогіи, приведемъ такой примѣръ: смотря по средѣ, лучъ, входящій въ нее, можетъ преломиться, не преломиться и даже разложиться. Равнымъ образомъ и личность будетъ по отношенію къ внѣшнимъ вліяніямъ оказывать извѣстныя индивидуальныя отклоненія, извѣстную реакцію.

Да наконецъ, даже чтобы сказать, что личность есть tabula rasa, нужно прежде это доказать, а слѣдовательно предварительно изучить личность, т.-е. опять таки прибѣгнуть къ индивидуальной психологіи. У Лампрехта же это, хотя прямо не высказываемое, но повсюду просвѣчивающее изъ за маски различныхъ терминовъ и соображеній,—положеніе является какою то не требующею доказательствъ аксіомою. Но это далеко не аксіома, а petitio principii, которое коренится отчасти въ исходномъ направленіи работы автора,—направленіи предвзятомъ, отчасти вслѣдствіе недостатка изученія

---

1) DZfG 82.

человѣческой души, вслѣдствіе недостатка вдумчивости по отношенію къ индивидуальной психологіи, а отсюда и произошло, что Лампрехтъ однимъ взмахомъ пера покончилъ съ ней. Да это и весьма естественно! Что мы меньше знаемъ, то легко можетъ казаться намъ несущественнымъ. Такъ и Лампрехтъ: еслибы онъ подробнѣе занялся человѣкомъ, глубже бы вникъ въ человѣческую душу, какъ истинный психологъ не на словахъ только, а на дѣлѣ и не порывалъ бы съ такою важною и неизбѣжною областью для историка, какъ индивидуальная психологія, то онъ не увидалъ бы въ душѣ человѣка только безразличное зеркало, но преломляющую призму, и не одну, а съ разными углами преломленія сообразно съ индивидуальностью. Пускай послушаетъ Лампрехтъ, что говоритъ психологъ о данныхъ коллективной и индивидуальной психологіи и ихъ взаимномъ отношеніи: „Воля отдѣльнаго человѣка опредѣляется въ своихъ главныхъ направленіяхъ общей волей среды, въ которой онъ живетъ. По отношенію къ этой зависимости вполнѣ ясно, что причинность духовной жизни не можетъ быть подведена подъ извѣстные законы природной причинности... Индивидуумъ... подчиненъ... волѣ той среды, къ которой онъ принадлежитъ... А проявленіе общественной воли въ свою очередь опредѣляется волею болѣе энергичныхъ индивидуумовъ, которымъ подчиняется большинство“ [1]). Какъ психическое развитіе ребенка представляетъ результатъ взаимодѣйствія между ребенкомъ и средой, такъ и зрѣлое сознаніе подвергается непрерывному воздѣйствію со стороны духовной жизни общества, въ которой оно принимаетъ участіе отчасти страдательно, *отчасти активно*“ [2]).

Послѣднее, однако, очевидно, возможно только въ томъ случаѣ, если признать какъ фактъ нѣкоторый x въ человѣкѣ, не абсорбируемый внѣшними условіями и въ свою очередь реагирующій на нихъ [3]), и вотъ эта-то произвольная по отношенію къ условіямъ часть индивидуума, эта-то по выраженію Бернгейма „Spontaneität der Rückwirkungen“ [4]) есть яв-

---

[1]) Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ пер. Розенбаха 438,439

[2]) Вундтъ. Очеркъ психологіи пер. Паперна—199.

[3]) Ср. слова Мейнеке. HZ Bd. 77—265.

[4]) Lehrbuch der historichen Methode 87, 498.

леніе, которое даетъ себя чувствовать повсюду на пути историческаго изслѣдованія и съ которымъ историку приходится считаться. — Отрицаніе этого факта будетъ ничѣмъ инымъ, какъ предвзятой точкой зрѣнія—petitio principii.

Тутъ мы подходимъ къ любопытному софизму Лампрехта, долженствующему служить третьимъ псевдодоказательствомъ его теоріи. Это именно мысль, что человѣкъ можетъ дѣйствовать и цѣлесообразно, но лишь въ *частной*, индивидуальной сферѣ; въ отношеніи же къ общественному союзу, къ соціальному организму онъ только безсознательный исполнитель импульсовъ, исходящихъ изъ цѣлаго.—Въ сущности это только повтореніе того, что уже мы разсматривали выше, и это доказательство во всякомъ случаѣ нуждается въ доказательствахъ. По поводу этого petitio principii возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ и соображеній, которыя кажется могутъ явиться въ качествѣ reductio ad absurdum Лампрехтовскаго софизма. Вѣдь если разрубать такъ человѣческіе поступки, то надо будетъ признать, что механизмъ ихъ находится въ вѣчномъ *колебаніи*, смотря по тому, соціальный или индивидуальный поступокъ совершаетъ человѣкъ. Но почему это такъ, почему въ одномъ случаѣ долженъ быть непремѣнно автоматизмъ, а въ другомъ допускается свобода обсужденія мотивовъ? Почему, разъ человѣку дана возможность въ сферѣ индивидуальныхъ, частныхъ поступковъ итти, куда влечетъ его *свободный умъ*, этотъ же человѣкъ въ сферѣ общественныхъ дѣяній долженъ идти, куда его влечетъ какая то *невѣдомая сила*? На всѣ эти вопросы нѣтъ и не можетъ быть отвѣта, ибо такой разрубъ механизма человѣческихъ поступковъ психологически невѣренъ. — А между тѣмъ, становясь на точку зрѣнія, что человѣкъ, какъ членъ соціальнаго цѣлаго—полный рабъ условій,—только и возможны два взгляда: или человѣкъ и во всемъ только автоматически, безцѣльно поступаетъ, или только той стороной своего существа, которая обращена къ обществу. Договориться до перваго Лампрехтъ не могъ, ибо это значило бы совершенно изгнать цѣлесообразность изъ поступковъ человѣка, что невозможно: поэтому ему осталось только отвести мотивированные цѣлесообразные поступки человѣка въ сферу его частной, индивидуальной личной жизни. Какъ существо же соціальное его пришлось объявить поступающимъ без-

цѣльно. — Это подтверждается Лампрехтомъ посредствомъ четвертаго псевдо-доказательства: люди живущіе въ одинаковыхъ условіяхъ поступаютъ въ общемъ одинаково, а слѣдовательно безцѣльно [1]), т. е. не свободно, не цѣлесообразно, а т. е. автоматически. Теперь мы напомнимъ читателю противоположеніе причинности-цѣлесообразности, которое приведено у насъ въ пунктѣ 1 *b* и которое по Лампрехту знаменуетъ собою коренную разницу между старымъ и новымъ направленіями. Теперь выясняется, что подъ причинностью надо разумѣть безцѣльность, автоматизмъ поступка, на которые человѣкъ осужденъ въ исторической жизни. А таковъ-то именно взглядъ новой школы, какъ это утверждаетъ Лампрехтъ. Разсмотримъ это положеніе: люди, живущіе въ одинаковыхъ условіяхъ поступаютъ въ общемъ одинаково, слѣдовательно безцѣльно.

Итакъ 1) сходство поступковъ свидѣтельствуетъ о ихъ безцѣльности, безсознательности. Но это petitio principii, ибо отъ возможности безсознательнаго сходства заключаетъ къ тому, что всякое сходство eo ipso безсознательно. Развѣ не можетъ быть *сознательнаго коллективистическаго* поступка, когда человѣкъ сознательно, съ пониманіемъ обстоятельствъ, путемъ какихъ либо соображеній присоединяется къ массѣ и совершаетъ поступокъ, сходный съ массой поступковъ? 2) если даже мы допустимъ, что могутъ быть сходные поступки именно благодаря безсознательности, то изъ этого не слѣдуетъ, что механизмъ *безсознательно* - сходныхъ поступковъ eo ipso автоматиченъ, что при этомъ люди перестаютъ руководиться мотивами и соображеніями и идутъ съ завязанными глазами, куда ихъ толкаютъ роковыя силы. Въ самомъ дѣлѣ, сходство въ поступкахъ этого рода будетъ происходить отъ того, что люди будутъ ставить себѣ цѣли, потому что всѣ ставятъ ихъ, а слѣдовательно—такъ повидимому надо, – и будутъ по такимъ же безсознательнымъ, непроанализированнымъ соображеніямъ примѣнять тѣ же средства, къ достиженію этихъ цѣлей потому только, что всѣ такъ дѣлаютъ. Но все-таки, слѣд., въ результатѣ, механизмъ этихъ поступковъ не отличается специфически отъ человѣческаго поступка *вообще*: мотивъ и цѣль также лежатъ въ ихъ основѣ.

---

[1]) A u n R—6; Zkft № 19—250.

Въ этомъ отношеніи Рахфаль совершенно справедливо замѣчаетъ, что и механизмъ каждаго генерическаго, коллективистическаго поступка въ концѣ концовъ есть мотивъ—цѣль [1].

Изъ всего этого мы можемъ сдѣлать выводъ довольно важный, что, допустивъ въ каждомъ поступкѣ человѣка мотивацію, мы должны допустить и возможность индивидуальныхъ отклоненій именно въ моментъ мотиваціи, открывающей просторъ альтернативѣ, колебанію и выбору, конечно детерминируемому свойствами индивидуума. Т. обр., человѣкъ можетъ *сознательно* присоединить свой поступокъ къ массѣ, *безсознательно* путемъ привычки, вліяній и т. п., хотя и по мотивамъ и можетъ *не присоединить*, благодаря мотиваціи, сопровождающей каждый поступокъ, ибо, отрицая свободу воли, даже такой детерминистъ какъ Лампрехтъ не отрицаетъ свободы обсужденія [2].—Хотя, какъ мы видѣли, не всякій мотивированный поступокъ eo ipso непремѣнно свободенъ отъ условій, наоборотъ есть цѣлая серія поступковъ генерическихъ, но мотивація заключаетъ въ себѣ возможность индивидуальныхъ отклоненій отъ minimum'а до maximum'а, и этотъ minimum и maximum будутъ зависѣть какъ отъ рода внѣшнихъ вліяній и ихъ силы, такъ и отъ внутреннихъ свойствъ личности, ея большей и меньшей сопротивляемости и ея болѣе ими менѣе развитой сознательности.

Лампрехтъ же пропагандируетъ свои „безцѣльные“ поступки именно потому, что они рефлексы, происходящіе *фатально* въ томъ направленіи, куда толкаетъ человѣка соціальное чувствилище.—Въ этомъ пунктѣ Лампрехтъ сдѣлалъ ту ошибку, что 1) объявилъ всѣ соціальныя дѣянія коллективистическими и 2) всякій коллективизмъ счелъ автоматизмомъ, рефлексомъ. Такимъ образомъ, въ исторіи не осталось мѣста для индивидуализма, свободы и цѣлесообразности.

Послѣднимъ, пятымъ псевдодоказательствомъ Лампрехта

---

[1]) Zweifelsohne wirkt der Kausalzusammenhang, als ein determinirender Faktor in gegebenem Falle auf die Entschliessung des Individuums... Er wirkt determinirend, d. h. er bestimmt das Individuum zu einer Handlung, indem er auf dieses im Sinne einer Zweckvorstellung wirkt. Der Kausalzusammenhang ist für die Handlungen in der Geschichte der Menschheit zugleich immer Zweckzusammenhang (Jf Nö u S Heft 5—667).

[2]) DZfG—90.

по отношенію къ абсорбированію личности внѣшними условіями является ссылка на вопросъ о свободѣ воли; по этому поводу Лампрехтъ говоритъ, что при современномъ состояніи философіи и психологіи не можетъ быть и рѣчи о случайности и произволѣ въ поступкахъ человѣка [1]): всякій поступокъ строго—необходимо вытекаетъ изъ извѣстныхъ данныхъ причинъ.—Разсмотрѣніе сложнаго вопроса о свободѣ воли не входитъ въ нашу задачу. По нашему мнѣнію, философское обсужденіе этого вопроса не имѣетъ отношенія къ исторіи. Даже ставъ на точку зрѣнія полнаго философскаго детерминизма, мы отъ этого вовсе не подвинемся ни шагу въ направленіи къ историческому детерминизму à la Лампрехтъ, т. е. признавъ, что всѣ акты нашей воли наравнѣ съ другими явленіями строго подчинены закону причинности, мы вовсе не сдѣлаемъ благодаря этому личность рабой *только* внѣшнихъ причинъ, внѣшнихъ условій. Это произошло бытолько въ томъ случаѣ, еслибы въ направленіе нашихъ поступковъ не принимали участія никакія иныя детерминирующія причины, кромѣ внѣшнихъ; тогда конечно, внося въ понятіе причинности такое съуживающее ограниченіе, какъ это дѣлаетъ Лампрехтъ, мы вмѣстѣ съ философскимъ детерминизмомъ вступили бы на стезю историческаго детерминизма. Но мы не вправѣ исходить изъ такого узкаго пониманія причинности. Есть цѣлый рядъ *внутреннихъ* причинъ, лежащихъ въ самой личности и связывающихъ ея поступки, опредѣляющихъ послѣдніе; слѣд., поступокъ человѣка является детерминированнымъ совокупнымъ дѣйствіемъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ, и вотъ этотъ то внутренній детерминизмъ можетъ стать какъ разъ *произволомъ* по отношенію къ массѣ внѣшнихъ вліяній.

Да чтобы не ходить далеко за цитатами по поводу этого вопроса, припомнимъ слова самого же Лампрехта: „внутренній детерминизмъ, въ противоположность абсолютному произволу, т. е. выборъ между притекающими въ индивидуумъ каузальными мотиваціями сообразно съ качествами личности есть центральное ученіе новой психологіи“ [2]).—Но, впрочемъ, это

---

1) DZfG. 90.
2) DZfG. 89.

говоритъ умѣренный Лампрехтъ пунктовъ *a*. А то разсужденіе о свободѣ воли, которое мы только что привели, имѣло, очевидно, цѣлью утвердить путемъ философскаго детерминизма—детерминизмъ историческій, т. е. изгнать личность какъ самостоятельный факторъ изъ историческаго процесса, и это разсужденіе принадлежитъ нетерпимому Лампрехту. Но мы видѣли, что эти два вопроса не тожественны, ибо если поступокъ человѣка и вытекаетъ съ абсолютною необходимостью изъ причинъ, то рядъ такихъ направляющихъ причинъ находится и въ личности, въ ея физіологическихъ и психическихъ свойствахъ, которыя далеко не тожественны у всѣхъ, и слѣдовательно будутъ давать поступкамъ индивидуальныя отклоненія, различно реагируя на внѣшнія вліянія. Это принять неизбѣжно разъ признано участіе характера въ направленіи поступка.—Поэтому сдѣлать изъ человѣка раба условій удастся историческимъ теоретикамъ только въ томъ случаѣ, если они признаютъ, что и характеры у всѣхъ людей, живущихъ въ одинаковыхъ условіяхъ равны, и что всѣмъ имъ отведена отъ природы *равная* доза ума и таланта. Но это уже противорѣчитъ всякому житейскому опыту. Тогда остается доктринёрамъ прибѣгнуть къ фантастическому petitio principii, что на историческомъ поприщѣ человѣкъ дѣйствуетъ безсознательно. Что эта недоказанная мысль ненаучна и не вытекаетъ изъ опыта, объ этомъ мы уже достаточно говорили выше.—Итакъ, если внутреннія свойства человѣка существенно вліяютъ на направленіе человѣческихъ поступковъ и на его отношенія къ средѣ, то ясно, что въ личности заключается всегда извѣстная капризная сила по отношенію къ средѣ, по крайней мѣрѣ возможность выходить изъ опредѣленныхъ рамокъ, въ которыя она заключена.

Но допустимъ, съ Лампрехтомъ, что личность—раба условій и исполнительница ихъ опредѣленныхъ порядковъ. И тогда явится прямо неразрѣшимая загадка съ другой стороны—со стороны исторической динамики, явится неразрѣшимый вопросъ: какъ же въ такомъ случаѣ происходятъ *историческія перемѣны*, какъ движется исторія? И мы увидимъ, что если послѣдовательно провести историческую статику въ духѣ Лампрехта, то въ исторической динамикѣ получится reductio ad absurdum всей теоріи.

Обратимся поэтому теперь къ исторической динамикѣ. Въ исторической статикѣ мы имѣемъ моментъ. Въ этотъ моментъ господствуютъ извѣстныя условія и тенденціи, которыя мы назовемъ вмѣстѣ съ Лампрехтомъ соціально-психическими факторами. Сюда относятся тенденціи умственныя, моральныя, религіозныя, хозяйственный бытъ и т. п. [1]). Они опредѣляютъ дѣятельность личности и потому „Geschichte der Zustände" должна служить базисомъ для пониманія историческихъ дѣяній [2]). — Съ этимъ соглашаются безусловно противники Лампрехта, съ той только разницею, что не признаютъ подобно послѣднему полнаго поглощенія личности средой. Если принять послѣднее, то никакъ не построить историческую динамику.

Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ рабъ условій, если онъ прикрѣпленъ къ нимъ, не можетъ выйти изъ нихъ — откуда же возьмется то *новое*, которое отличаетъ историческій моментъ отъ предшествующаго? Тутъ—то по мнѣнію старой школы—элементомъ, производящимъ измѣненіе, и является личность, свободная частица которой, выходящая изъ генерическаго фона жизни, своими новыми цѣлесообразными планами и поступками начинаетъ открывать новыя времена. Вотъ наприм., что говоритъ Мейнеке. „Я думаю, что для духовныхъ, соціальныхъ, хозяйственныхъ перемѣнъ въ массахъ на ряду съ генерическими мотивами существенное значеніе имѣютъ и свободные поступки отдѣльныхъ индивидуумовъ. Отдѣльный поступокъ можетъ быть незначительнымъ и незамѣтнымъ для изслѣдователя, но сумма ихъ значительна [3]). „Индивидуальный моментъ—говоритъ Hintze—играетъ роль въ разработкѣ и измѣненіи языка, нравовъ, хозяйственныхъ условій" [4]), а тѣмъ болѣе, слѣдовательно, въ другихъ менѣе косныхъ областяхъ исторической жизни.—„Даже на низшихъ культурныхъ ступеняхъ — говоритъ Рахфаль—индивидуумъ не абсорбируется вполнѣ обществомъ. Какъ слу-

---

1) DZfG 112 Dis sozialpsychischen Faktoren bestehen in dem.... geistigen Gesamthabitus einer Zeit.

2) Zkft № 27 – стр. 27. Die Kenntniss der Zustände ist kein Beiwerk sondern die Grundlage alles historischen Verständnisses.

3) HZ Bd. 77—264.

4) HZ Bd. 78—64.

чилось, что тому или другому удалось стать вожакомъ и подчинить себѣ своихъ товарищей? Развѣ изобрѣтеніе стрѣлы, горшка для примитивнаго общества не такое же великое дѣяніе, какъ изобрѣтеніе какого-нибудь механическаго сооруженія для нашего времени?" [1])—Выражаясь образно, личность въ исторіи это *двуликій Янусъ*; хотя одной частью своего существа она обращена назадъ, связана съ косными традиціями прошлаго, но въ то-же время другой частью она обращена впередъ, къ будущему, къ новому. Въ личностяхъ, какъ представительницахъ историческаго движенія и наблюдается *переломъ*.—Черезъ нихъ проходитъ потокъ традиціоннаго историческаго теченія, но онъ смѣшивается съ тѣми новыми струями жизни, которыя исходятъ изъ тайниковъ души индивидуума. Поэтому, хотя на дѣятельности историческаго лица и отразятся вліянія среды, но съ другой стороны отъ него будетъ исходить и новая жизнь и создаваться новая среда для будущихъ поколѣній.—Только въ такомъ случаѣ, если *такъ* представлять себѣ происхожденіе перемѣнъ въ исторіи, т. е. путемъ признанія силы личной инициативы—можно говорить и о коллективизмѣ. Если подъ коллективизмомъ разумѣть то, что разумѣетъ въ сущности и Мейнеке въ вышеприведенномъ мѣстѣ, т. е. что историческія перемѣны происходятъ не усиліемъ одного, а многихъ, т. е. считать движущею пружиною исторіи—сумму свободныхъ дѣяній цѣлой массы членовъ общества, то подобный коллективизмъ хотя и односторонёнъ, но не такъ опасенъ, ибо признаны личное начало и цѣлесообразность въ исторіи; односторонёнъ же онъ потому, что не хочетъ видѣть, что *есть слагаемыя*, *превышающія* въ какихъ либо отношеніяхъ другія и оказывающія больше вліянія, а слѣдовательно приносящія львиную долю результатовъ. Вѣдь и у Лампрехта есть подобный коллективизмъ, съ которымъ не будутъ спорить его противники. Но вѣдь этотъ коллективизмъ проводится умѣреннымъ Лампрехтомъ пунктовъ *a*, съ которымъ, какъ мы видѣли, и нельзя принципіально спорить, но на той исключительной точкѣ зрѣнія, на которой выступаетъ предъ нами не Лампрехтъ компромисса, а Лампрехтъ строгаго

---

[1]) JfNö u S—665.

стиля—уже нѣтъ цѣлесообразныхъ и свободныхъ поступковъ: если человѣкъ идетъ впередъ и мѣняется, то его подталкиваетъ какая-то сила, передъ которой нѣтъ различій, а всѣ равны, либо всѣ—одинаково безсильныя игрушки судьбы.

Но тогда опять напрашивается все тотъ-же вопросъ: какъже происходятъ перемѣны въ людяхъ—въ ихъ мысляхъ, порядкахъ и отношеніяхъ? Разъ не изъ нихъ исходятъ новыя теченія, откуда же идетъ это обновленіе историческаго потока? Вотъ тутъ то, въ исторической динамикѣ и заключается корень новаго метода, который дѣлаетъ изъ Лампрехта такого яраго противника Ранке.—Мы уже видѣли, что нападая на школу Ранке, Лампрехтъ старается показать, что ей не хватаетъ чего-то такого существеннаго, что составляетъ „открытіе" новой школы. Сначала неясно, невѣрно бросаетъ онъ свои критическія стрѣлы туда, гдѣ школа Ранке неуязвима, онъ силится доказать то, чего нѣтъ, и конечно въ результатѣ собственныхъ безплодныхъ усилій сознается, что напрасно признавалъ школу Ранке ультра-индивидуалистической. Но потомъ ужъ онъ подходитъ прямо къ цѣли и ясно говоритъ, каковъ тотъ новый методъ, какова та новая причинность, которой нѣтъ у Ранке.—И дѣйствительно, онъ находитъ такой пунктъ, котораго школа Ранке не признаетъ, но который à tout prix пропагандируется Лампрехтомъ. Этотъ то пунктъ и является яблокомъ раздора.

1) Лампрехтъ говоритъ про школу Ранке, что она остается индивидуалистическою постольку, что она разрываетъ имманентный необходимый ходъ исторіи, причинность идей дѣяніями выдающихся индивидуумовъ [1]). „Идеи" Ранке носятъ въ себѣ по своему возникновенію что-то случайное, стоящее внѣ причинной зависимости [2]); между тѣмъ соціально-психическое развитіе происходитъ *органически*, съ имманентной необходимостью, въ извѣстной послѣдовательности и не нарушается никакими сингулярными мотиваціями. Одинъ моментъ вытекаетъ причинно изъ предыдущаго [3]). Здѣсь нѣтъ ничего внезапнаго, непонятнаго, которое допускается старой

---

[1]) Zkft № 7—301;
[2]) Zkft № 14 -30;
[3]) Zkft № 14—30;

школой. Здѣсь непрерывное, органическое, имманентное развитіе»[1].

Теперь уже окончательно выясняется, что такое Лампрехтовская причинность и его „новый“ методъ. Эта специфическая причинность есть, очевидно, не что иное, какъ безусловная *эволюціонная* точка зрѣнія [2]). Это—органическое развитіе, совершающееся съ необходимостью. Новая школа—говоритъ Лампрехтъ—потому и научнѣе, что даетъ непрерывные причинные ряды [3]), старая же школа ненаучна потому, что вводитъ въ историческій процессъ элементъ произвола и разрываетъ этимъ теченіе исторіи [4]). А между тѣмъ научный методъ по мнѣнію Лампрехта долженъ состоять въ томъ, чтобы образовались непрерывные причинные ряды, гдѣ каждый моментъ съ *абсолютной необходимостью* вытекалъ бы изъ предыдущаго [5]). Телеологическій методъ заключаетъ отъ факта къ сингулярному мотиву; но это вѣдь вводитъ произволъ, свободу мотиваціи и потому, слѣдовательно, теряется необходимость связи.

Итакъ, изъ этихъ словъ явствуетъ, что означаетъ его „новый, научный, причинный“ методъ. Выходитъ, что это опять - таки—отрицаніе свободно - цѣлесобразныхъ поступковъ въ исторіи и сознательной воли при переходѣ одного историческаго момента въ другой. Это и есть Лампрехтов-

---

1) Zkft № 7—309 снизу.

2) Въ одномъ мѣстѣ со слова «причинность» спадаетъ маска и она называется настоящимъ именемъ; das kausale nnd evolutionistische Princip (A u n R 9; Zkft № 19—253) dem evolutionistischen und kausalen Gedanken (A u n R 10; Zkft № 19—253).

3) Von diesem Standpunkte aus würde die kollektivistische Methode als die..-wisenschaftlichere erscheinen: sie allein bringt die Entwicklungsideen in kontinuirlich—kausalen Zusammenhang (DZfG 87).

4) Zkft № 7-301.

5) Eine entwickelnde Geschichtschreibung ist offenbar nur da möglich, wo die Thathsachen in der Form wissenschaftlich mit einander verbunden werden können, dass die Darstellung von den früheren zu den späteren in ausgedehnten in sich von Glied zu Glied absolut nothwendigen und abgeschlossenen Schlussketten fortschreitet. Die teleologische Betrachtung schliesst ja von der späteren Sache zunächst rückwärts auf das frühere singuläre Motiv; eine Kette solcher Rückschlüsse hat aber Nichts in sich Nothwendiges, da jedes Motiv dieser Kette weil aus freiem Entschluss hervorgehend, in sich das Moment der Willkür birgt (A u n R 9; Zkft № 19—252).

ская имманентность и причинность. Это и есть корень всего его ученія, около котораго укладываются всѣ аргументы, помѣщенные нами въ пунктахъ *b* и *c* нашей таблички Лампрехтовскихъ противорѣчій.

Мало однако сказать, что *научнѣе*, если произволъ не нарушаетъ эволюціи своей капризной силой. Но если этотъ произволъ есть, то ненаучно игнорировать его ради какихъ-то „научныхъ" соображеній, ибо научная исторія должна прежде всего уважать факты во всемъ ихъ разнообразіи и не только не отказываться отъ якобы мѣшающихъ ей фактовъ, но даже отказаться отъ мысли, что факты могутъ мѣшать въ какомъ либо отношеніи. По этому поводу Лампрехту слѣдовало бы помнить завѣтъ Ранке: „Unsere Aufgabe ist uns blos an das Object zu halten" [1]). А Лампрехтъ хочетъ неизвѣстно зачѣмъ внести въ факты такую логику, какой въ нихъ нѣтъ.—Отчего мѣшаетъ ему такъ личный произволъ? Если конечная цѣль историка—опредѣленіе причинъ факта, то вѣдь принципъ причинности нисколько не нарушится тѣмъ, что въ числѣ причинъ будетъ фигурировать и воля личности. О томъ, что произволъ нарушаетъ историческую эволюцію, надо скорѣе сокрушаться соціологу, имѣющему въ виду формулировать непреложные законы,—историка это не касается. Но Лампрехтъ говоритъ, что произволъ нарушаетъ необходимость связи между фактами. Почему же такъ? Причинная связь всегда соединена съ аттрибутомъ необходимости: дѣйствіе необходимо вытекаетъ изъ причины, и эта необходимость связи не нарушится оттого, что въ числѣ причинъ какого нибудь историческаго факта будетъ находиться и личная воля, личная иниціатива, ибо при извѣстномъ характерѣ, извѣстномъ положеніи лица и извѣстныхъ условіяхъ его обстановки *должно* было произойти данное явленіе. Конечно, причины каждаго историческаго факта до такой степени многосложны и запутаны, что мы не можемъ знать ихъ во всей ихъ совокупности, но заключеніе отъ факта къ личному дѣйствію какъ къ одной изъ причинъ нисколько не уничтожаетъ необходимости связи.

Но Лампрехтъ идетъ дальше: то что онъ называетъ не-

---

[1]) Ueber die Epochen der neueren Geschichte—стр. 9.

обходимостью связи, у него получаетъ специфическій смыслъ, это значитъ, что одинъ историческій моментъ вытекаетъ изъ другого *безъ воли людей*: чтобы люди ни дѣлали, какъ бы они ни поступали, будутъ или не будутъ они прилагать свои усилія,—*не* благодаря ихъ участію произойдетъ данная историческая перемѣна; *не ихъ* произволъ участвовалъ въ ней: она все равно должна была произойти. Словомъ Лампрехтовское „должно“, „необходимо“ значитъ, что воля человѣка не имѣетъ никакого значенія въ исторіи, что исторія движется сама собой, а человѣкъ только исполнитель велѣній какого то рокового закона жизни. Слѣдовательно, то что Лампрехтъ называетъ необходимостью, не есть необходимость причинной связи, а отрицаніе воли человѣка въ поглощающей его роковой исторической эволюціи.—Лампрехтовское понятіе необходимости означаетъ слѣд., что человѣкъ поступаетъ необходимо не по отношенію къ своему характеру, складу и комбинирующимися съ ними внѣшними условіями, а только по отношенію къ историческому процессу, саморазвивающемуся и заставляющему личность поступать несвободно предъ законами, присущими этому процессу. Здѣсь въ исторической динамикѣ мы видимъ такимъ образомъ тотъ же взглядъ, что и въ исторической статикѣ. Тамъ человѣкъ былъ крѣпостнымъ по отношенію къ извѣстной исторической обстановкѣ, выражающейся въ совокупности соціально - психическихъ факторовъ, здѣсь онъ крѣпостной по отношенію къ процессу ихъ развитія. Соціально - психическіе факторы развиваются и измѣняются по внутреннимъ, присущимъ имъ законамъ и своими измѣненіями заставляютъ и людей мѣнять свои взгляды и поступки. И то и другое конечно тѣснѣйшимъ образомъ связано: историческая динамика является логическимъ выводомъ изъ исторической статики. Въ самомъ дѣлѣ, разъ человѣкъ не можетъ выйти изъ условій и прикрѣпленъ къ нимъ (въ исторической статикѣ), то приходится признать, что условія мѣняются сами собой вслѣдствіе перемѣнъ, происходящихъ въ общей волѣ, въ соціальной душѣ [1]) и уже подъ вліяніемъ этихъ видоизмѣненій происходятъ параллельныя измѣненія въ людскихъ поступкахъ.—Но это какая то туманная мета-

1) Zkft № 27 стр. 25; DZfG 114.

физика, относительно которой можно поставить вопросъ: кто же тотъ таинственный режиссеръ, который заставляетъ людей исполнять свои велѣнія? Вотъ куда завела Лампрехта его „имманентность“ — къ полнѣйшей, головокружительной трансцендентности, программа строгой причинности—къ какой то силѣ, стоящей внѣ естественной причинности; его мечты безусловнаго эмпиризма въ концѣ концовъ свелись къ какому-то непознаваемому эмпирически „spiritus rector“, къ которому такъ отрицательно отнесся Лампрехтъ въ другихъ мѣстахъ своихъ статей. И этотъ оборотъ исторической динамики—по нашему мнѣнію необходимый результатъ его статики. Иначе и не могло быть, если Лампрехтъ желалъ остаться вѣрнымъ основнымъ началамъ своей статики; если отказаться отъ личной воли какъ видоизмѣняющаго фактора въ исторіи, придется, чтобы понять историческія перемѣны, прибѣгнуть къ какой-то метафизической волѣ, которая бы производила эти перемѣны. И вотъ вмѣсто широковѣщательной программы эмпиризма получилась историческая метафизика: таинственный, никому невѣдомый режиссеръ за кулисами исторіи и люди, доведенные до состоянія маріонетокъ. Этимъ метафизическимъ абсурдомъ, выфильтровывающимъ данныя опыта (личную волю) чтобы создать изъ нихъ какую то заоблачную фантасмагорію, вообще блистательно побиваетъ сама себя всякая историческая эволюція, имѣющая цѣлью элиминировать волю изъ исторіи.—Конечно, могутъ происходить иныя перемѣны и помимо воли людей, путемъ стихійныхъ силъ; но какъ можетъ сама собой наступить перемѣна въ соціальныхъ факторахъ?

Вѣдь соціальный факторъ слагается въ концѣ концовъ изъ суммы человѣческихъ поступковъ. По отношенію къ индивидууму, въ исторической статикѣ, его можно до извѣстной степени разсматривать какъ prius, но въ исторической динамикѣ, разсматривая моментъ перемѣнъ историческаго фактора, мы не должны забывать, что онъ—сумма, и измѣненіе этой суммы есть уже posterius по отношенію къ измѣненію слагаемыхъ, и слѣд., только въ слагаемыхъ лежатъ движущія пружины измѣненія фактора. И только считая волю людей причиною измѣненія соціальныхъ факторовъ, идя т. с. снизу, мы не покинемъ надежной почвы эмпиризма. Въ противномъ

случаѣ, сдѣлавъ изъ слѣдствія причину, а изъ причины слѣдствіе, идя сверху, мы вступимъ, какъ это и случилось съ Лампрехтомъ, на скользкій путь метафизики.

И тутъ опять можно замѣтить нѣкоторое нераспутанное недоразумѣніе, которое можетъ сбить, если въ немъ не разобраться. А именно, мы вправѣ сказать, что люди измѣнились съ измѣненіемъ соціально-психическихъ факторовъ, но мы не должны ограничиваться этой одной стороной дѣла и не должны забывать, что *благодаря людямъ* измѣняются и самые факторы. Такимъ образомъ, недоразумѣніе можетъ быть распутано лишь въ томъ случаѣ, если признать, что какъ факторъ такъ и индивидуумъ суть въ одно и тоже время и prius и posterius по отношенію другъ къ другу. Личность является по отношенію къ соціальному фактору posterius въ своихъ косныхъ частяхъ и prius по отношенію къ новымъ элементамъ, всходящимъ на исторической почвѣ и по отношенію къ самой эволюціи, происходящей въ факторѣ: эволюція, развитіе и состоитъ въ постоянномъ вмѣшательствѣ болѣе свободныхъ и оригинальныхъ людей въ историческую жизнь, и благодаря этому вмѣшательству въ сильной степени и происходитъ эволюція: безъ этого вмѣшательства не было-бы теченія, а застой. Лампрехтъ говоритъ, что старая школа забыла завѣтъ Аристотеля, что цѣлое прежде частей, что къ этому правильному взгляду нужно воротиться, [1]) и этотъ-то взглядъ проводитъ коллективная психологія, а съ ней и новая школа. Но по нашему мнѣнію нечего и возвращаться къ этому взгляду, потому что теперь никто и не думаетъ отвращаться отъ правильной мысли Аристотеля, что общество существуетъ раньше каждаго изъ насъ. Но только эта правильная мысль приведетъ къ невѣрнымъ результатамъ, если мы *наравнѣ съ нею* не будемъ держаться и того несомнѣннаго взгляда, что цѣлое слагается изъ частей. Повидимому Аристотель не былъ чуждъ и этого второго воззрѣнія: говоря въ одномъ мѣстѣ, что государство первѣе семьи, онъ въ другомъ мѣстѣ подробно изображаетъ происхожденіе государства изъ семьи. Лампрехтъ же беретъ только первую истину въ ея исключительной односторонности, и возвраще-

[1]) DZfG 78.

ніе къ Аристотелю означаетъ у него призывъ къ одно-сторонней органической теоріи. Но, какъ мы видѣли, это не одно и то же.

Резюмируя все сказанное по поводу органической теоріи, несомнѣннымъ представителемъ которой является Лампрехтъ, мы можемъ сказать объ ней только, что она явилась важнымъ дополненіемъ и поправкой по отношенію къ господствовавшей до нея механической теоріи, но это не значитъ, что она вполнѣ устранила старую и отвоевала себѣ все поле исторіи. Истина лежитъ посрединѣ, — *въ комбинаціи и примиреніи, въ синтезѣ* этихъ двухъ одностороннихъ и крайнихъ взглядовъ.

Разсмотрѣвши выше Лампрехта умѣреннаго и крайняго, обратимся теперь къ попыткѣ разрѣшить вопросъ: какъ понять тѣ противорѣчія, въ которыя впалъ Лампрехтъ, тѣ двѣ физіономіи, съ которыми онъ является передъ нами? Прежде всего замѣтимъ, что помимо противорѣчій между Лампрехтомъ строгаго стиля и Лампрехтомъ компромисса т. е. между пунктами *b* и *a* мы наталкиваемся на противорѣчія въ самыхъ нѣдрахъ его строго - односторонней доктрины: сюда относится разногласіе между пунктомъ 3 *b* съ одной стороны и 3 *c* и 4 *b*—съ другой.—Тутъ дѣло касается судьбы, постигшей подъ первомъ Лампрехта *выдающагося человѣка.* Теорія, проведенная въ пунктѣ 3 *b* гласитъ: *все* находится подъ роковымъ давленіемъ условій, а слѣдовательно и выдающаяся личность. Такимъ образомъ, выдающаяся личность и сѣрая масса ставятся на одну доску, какъ элементы одинаково безсильные, какъ капли увлекаемыя потоками жизненныхъ стихій. Слѣд., тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о свободѣ и оригинальности выдающейся личности.—Но вотъ въ другихъ мѣстахъ (3*c*, 4*b*) Лампрехтъ проводитъ такой взглядъ: люди дѣлятся на два разряда: на сѣрую массу и выдающихся личностей. Тѣ и другіе разсматриваются въ исторіи *особо*, и къ нимъ должны быть примѣняемы *два* различныхъ метода въ исторической наукѣ,— Масса всецѣло управляется условіями, совершенно несвободна и закрѣпощена по отношенію къ нимъ; исторія массы, это—безличная эволюція; выдающіяся же люди носятъ въ себѣ долю свободы отъ условій.

Что означаетъ это противорѣчіе, особенно знаменательное для насъ, потому что оно возникло въ нѣдрахъ его послѣдова-

тельной доктрины и, слѣдовательно, сокрушаетъ ея исходный пунктъ? Оно показываетъ, что Лампрехтъ не могъ въ силу вещей выдержать своего основного положенія. А почему? потому что встрѣтившіеся и постоянно встрѣчающіеся факты и наблюденія на практикѣ исторической работы говорятъ совершенно обратное и не хотятъ мириться съ односторонней теоріей, a priori, насильственно ихъ изгнавшей.—Сколько бы историкъ ни старался *въ теоріи* замалчивать роль выдающагося человѣка, имѣющійся у него въ рукахъ матеріалъ *на практикѣ* будетъ слишкомъ часто и краснорѣчиво свидѣтельствовать объ оригинальности и мощи выдающейся личности, тамъ или здѣсь выкажется моментъ его воли и свободы, и швы теоріи гдѣ-нибудь да прорвутся подъ напоромъ новыхъ наблюденій и соображеній.

Итакъ, „новый причинный" методъ пришлось Лампрехту лишить силы по отношенію къ выдающимся личностямъ и поэтому для него остался одинъ рессурсъ, чтобы отстоять свою одностороннюю точку зрѣнія: упустивъ изъ подъ вѣдѣнія своего метода выдающихся людей. Лампрехтъ прибѣгаетъ къ сѣрой массѣ, которая отнынѣ должна стать опорой его теоріи. Сѣрая масса всецѣло управляется условіями, и *ни-одинъ* лучъ свободы не проникаетъ въ ея среду. Но этотъ разрубъ людей на двѣ породы, имѣющія каждая свою особую исторію, шитъ слишкомъ бѣлыми нитками.

1) Онъ могъ бы служить ultimum refugium для Лампрехта только въ томъ случаѣ, если-бы основывался на другомъ положеніи, что исторію дѣлаетъ *только* сѣрая масса. Но разъ онъ самъ же признаетъ, что существуютъ и выдающіеся люди, то очевидно, что они дѣйствуютъ съ сѣрой массой на одномъ историческомъ фонѣ, а не порознь отъ массы. Мы можемъ классифицировать, *умственно* отвлекать одни элементы отъ другихъ, но на *практикѣ,* въ жизни нѣтъ двухъ обособленныхъ сферъ, а *одна* масса, состоящая изъ *смѣси* сѣрыхъ и выдающихся элементовъ.

2) Начавши съ полнаго приниженія выдающагося человѣка передъ массой, Лампрехтъ путемъ упомянутаго разруба совершенно обратно ставитъ его на недосягаемую высоту сравнительно съ массой: послѣдняя у него совершенно безвольное и несвободное нѣчто, тогда какъ выдающійся чело-

вѣкъ носитъ въ себѣ элементъ свободы.—Такимъ образомъ, Лампрехтъ, ярый противникъ старой школы, оказался внезапно plus royaliste que le roi, такъ что даже Мейнеке, представитель стараго направленія упрекаетъ его и говоритъ, что онъ не склоненъ класть такую непроходимую грань между сѣрымъ и выдающимся человѣкомъ, и что при всей разницѣ между ихъ духовными силами, оба эти элемента сходятся въ томъ, что находясь подъ вліяніемъ условій, *оба* носятъ въ себѣ нѣкій x свободы [1]), только онъ различенъ въ количественномъ отношенія, и у сѣраго человѣка доходитъ до minimum'а, а у выходящагося достигаетъ maximum'а.

Итакъ, мы видимъ, что Лампрехтъ и въ строгой части своей теоріи впалъ въ противорѣчіе, которое въ концѣ концовъ опровергаетъ всю эту теорію, и неизбѣжно должно привести къ компромиссу, къ болѣе умѣреннымъ взглядамъ цунктовъ *a*.

Резюмируя всю нашу оцѣнку Лампрехтовскихъ взглядовъ, мы такимъ образомъ можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы.

Послѣдовательно взятая, его точка зрѣнія въ пунктахъ *b* не выдерживаетъ критики:

1) какъ petitio principii, каковыми являются и всѣ псевдодоказательства этой точки зрѣнія;

2) опровергается противорѣчіемъ, побивающимъ ея исходный пунктъ (въ пунктахъ 3*c* и 4*b*);

8) редуцируется къ абсурду туманной метафизикой исторической динамики;

4) неизбѣжно ведетъ къ пунктамъ *a*, къ компромиссу.

Теперь и постараемся отвѣтить на вопросъ: какъ понять противорѣчія въ Лампрехтовскихъ взглядахъ?

Врядъ-ли Лампрехтъ самъ ясно сознавалъ свои противорѣчія и всю ихъ пагубность для своей доктрины. Вѣроятно, онъ впадалъ въ нихъ невольно, безсознательно. Но это для насъ тѣмъ знаменательнѣе. Въ этомъ какъ нельзя лучше выражается судьба всякой односторонней доктрины. Односторонняя теорія въ концѣ концовъ непремѣнно, *фатально* придетъ къ какимъ-нибудь выводамъ и фактамъ, побивающимъ ее, противорѣчащимъ ей. Противорѣчія эти неизбѣж-

---

1) HZ Bd 77—263.

ны, разъ съ одной стороны выставлена теорія, не допускающая ничего, противорѣчащаго своему исходному пункту,—а съ другой—признаются и не могутъ не признаваться самимъ авторомъ факты противоположнаго характера: ихъ можно замалчивать, но они тѣмъ не менѣе существуютъ и на нихъ постоянно приходится наталкиваться. Они невольно всплывутъ и нѣтъ нѣтъ да оборвутъ нить теоріи, которая не въ состояніи ихъ удержать, и это—блистательное доказательство узости и односторонности теоріи наряду съ другими соображеніями, которыя мы попытались привести въ опроверженіе взглядовъ Лампрехта.

Мы пришли къ концу въ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ взглядовъ Лампрехта. Подведемъ итоги.

Лампрехтъ строгаго стиля слабъ своими невольными, но фатальными противорѣчіями (наряду съ другими слабостями); Лампрехтъ компромисса не говоритъ ничего новаго, чего бы не знала старая школа: полемика показала, что противники Лампрехта вполнѣ согласны съ пунктами *a*. Напрасно Лампрехтъ думаетъ, что они сдѣлали ему уступки и могутъ считаться побѣжденными [1]). Совсѣмъ напротивъ: онъ побѣжденъ и принужденъ былъ пойти на компромиссы, примкнуть къ тѣмъ примирительнымъ воззрѣніямъ, которыя уже издавна раздѣлялись его противниками.

Слѣдовательно, „новымъ" въ его аргументахъ можно считать только его пункты *b* и *c*. Насколько неосновательно это „новое", мы пытались доказать на предыдущихъ страницахъ. Да и *ново* ли все это? Конечно нѣтъ! Если мы вникнемъ во взгляды Лампрехта, то увидимъ, что подобныя теоріи попадались намъ уже не разъ. Припомнимъ историческую философію гр. Л. Н. Толстого въ „Войнѣ и мирѣ", гдѣ человѣкъ объявляется только неизбѣжнымъ исполнителемъ предписанныхъ ему историческихъ законовъ; припомнимъ Спенсера съ его теоріей безличной эволюціи и общественнаго организма, вспомнимъ Савиньи и историческую школу юристовъ, теорію непроизвольнаго установленія права, въ результатѣ котораго явился тоже spiritus rector à la Lamprecht—народный духъ. Совершенно также какъ Ламп-

1) Zkft № 14—32.

рехтовское соціальное чувствилище онъ объективируется Пухтой и признается какой-то особой силой, *душой* въ соціальномъ организмѣ,—душой, стоящей внѣ сознанія отдѣльныхъ индивидуумовъ, и которая сама все производитъ изъ себя.

Итакъ, Лампрехтъ не болѣе какъ новый представитель старой теоріи, которую называютъ общимъ именемъ *органической*. А если это отголосокъ стараго, то очевидно, что и историки стараго направленія должны были испытать на себя вліяніе органической теоріи, и вліяніе ея было весьма существенно, — настолько, что она впиталась въ плоть и кровь современныхъ историковъ. Въ этомъ отношеніи врядъ ли въ настоящее время возможны разногласія, но при всемъ признаніи органической теоріи и при всемъ значеніи ея для историческаго изученія, историки разно относятся къ ней: одни видятъ въ ней только дополненіе, реакцію противъ воззрѣній прошлаго вѣка, и не подчиняются ей безраздѣльно, но берутъ изъ нея только то, что считаютъ полезнымъ, и лишая ее односторонности уравновѣшиваютъ ея положенія положеніями того тезиса, по отношенію къ которому она явилась антитезисомъ, и держатся, такимъ образомъ, синтетическихъ, примирительныхъ взглядовъ на ходъ историческаго процесса. Это историки стараго, оспариваемаго Лампрехтомъ направленія; другіе-же, къ числу которыхъ относится Лампрехтъ являются представителями органической теоріи во всей ея исключительности, и эти послѣдніе будутъ сами себя побивать тѣми противорѣчіями, къ какимъ будетъ приводить ихъ односторонняя доктрина. Хотя мы здѣсь разсмотрѣли только одинъ эпизодъ, но выводы и наблюденія, являющіеся въ результатѣ изслѣдованія одного факта, могутъ быть съ успѣхомъ примѣнены ко всей серіи аналогичныхъ фактовъ: и у другихъ представителей теоріи, подобно Лампрехту, мы увидимъ все то, что составляетъ его слабость—и petitio principii, и противорѣчія и reductio ad absurdum, ибо односторонніе теоріи, какъ мы уже говорили выше, никогда не перестанутъ встрѣчаться съ фактами, которые они насильно исключили изъ своихъ формулъ, но которые тѣмъ не менѣе существуютъ, не хотятъ мириться съ теоріей, ихъ изгнавшей, и требуя себѣ законнаго мѣста, обрываютъ нити

теоріи.—Теорію эту Мейнеке справедливо называетъ *матеріализмомъ.* Лампрехтъ открещивается отъ этого названія. Но въ чемъ же состоитъ матеріализмъ, какъ не въ томъ, чтобы полагаться только на *внѣшній* опытъ, игнорировать опытъ внутренній, сводить къ нулю все неподходящее подъ этотъ внутренній опытъ, игнорировать все апріорное, и въ этомъ сходятся и физіологъ-матеріалистъ, считающій мысль, познаваемую нами изъ внутренняго опыта, ничѣмъ инымъ, какъ движеніемъ мозгового вещества (фактъ внѣшняго опыта), и философъ-сенсуалистъ, считающій, что все содержаніе нашей психической дѣятельности представляетъ собою не что иное, какъ переработанныя, видоизмѣненныя внѣшнія ощущенія; наконецъ ясно, что къ той же категоріи долженъ быть отнесенъ и историкъ, не желающій видѣть въ человѣкѣ ничего иного, кромѣ какого то автомата, движимаго внѣшними толчками. Развѣ это не ультра—матеріализмъ! Да еще кромѣ того историки Лампрехтовскаго направленія являются часто матеріалистами *вдвойнѣ*, хотя конечно эти два рода матеріализма не находятся вовсе въ необходимой связи, а именно 1) матеріалистами во взглядѣ на человѣческую личность и 2) въ томъ отношеніи, которое прекрасно охарактеризовалъ Мейнеке: „Самое подчеркиваніе хозяйственнаго фактора еще не есть матеріализмъ. Но если оно заходитъ такъ далеко, что объединеніе Германіи сводится въ концѣ концовъ къ *экономическимъ* процессамъ, то читателю остается только покачать головой и высказать скромное мнѣніе, что это во всякомъ случаѣ матеріалистическая „тенденція" въ историческомъ міровоззрѣніи [1]). Любопытна по своей софистичности защита Лампрехта отъ обвиненія въ матеріализмѣ. Въ его аргументаціи мы замѣчаемъ нелогичный скачекъ мысли: онъ беретъ въ доказательство аргументъ; не дающій ему никакого орудія въ руки. Онъ говоритъ: экономическія явленія характеризуютъ обыкновенно какъ матеріальныя, а явленія въ сферѣ искусства, литературы и мысли какъ идеальныя. По мнѣнію Лампрехта это дѣленіе невѣрно. А почему? Потому что—говоритъ Лампрехтъ—каждое экономическое дѣйствіе человѣка психически обусловлено такъ.

---

[1]) HZ. Bd. 77—266.

же, какъ каждое любое стихотвореніе или сводъ законовъ [1]. Но развѣ это доказательство? Вѣдь рѣчь идетъ не о *механизмѣ* нашихъ поступковъ, не о психо-физіологическихъ процессахъ, лежащихъ въ ихъ основѣ. Насъ побуждаетъ раздѣлять явленія на матеріальныя и идеальныя разница въ *цѣляхъ*, которыя мы себѣ ставимъ, производя то или другое дѣйствіе: по цѣлямъ мы и дѣлимъ наши поступки на матеріальные, направленные на удовлетвореніе нашихъ матеріальныхъ потребностей, и идеальные, отвѣчающіе высшимъ запросамъ души. Послѣднее замѣчаніе направлено противъ узости т. н. экономическаго матеріализма. Какъ мы замѣтили выше, этотъ типъ матеріализма не совпадаетъ вполнѣ съ первымъ, который мы назовемъ *историческимъ матеріализмомъ*, хотя оба идутъ подчасъ рука объ руку. Общая черта ихъ—суживаніе человѣческой личности: историческій матеріализмъ отрицаетъ самобытные элементы личности, низводитъ ее до степени tabula rasa предъ условіями и доходитъ до отрицанія ея свободнаго, сознательнаго вмѣшательства въ историческій процессъ, дѣлая ее безсознательной исполнительницей законовъ саморазвивающейся эволюціи. Экономическій матеріализмъ не хочетъ видѣть въ исторіи человѣка идеальныхъ побужденій и видитъ только одну bête humaine—и оба, конечно, встрѣчаются съ непреодолимыми трудностями, когда наталкиваются на подводные камни фактовъ противоположнаго характера. А подобныхъ рифовъ такъ много на каждомъ шагу историческаго матеріала, что плаваніе представителей этихъ теорій чрезвычайно затруднено: они уже не разъ терпѣли кораблекрушенія, и ихъ теоретическіе корабли до такой степени полны пробоинъ, что врядъ-ли годятся для дальнѣйшаго плаванія.

Скажемъ еще нѣсколько словъ по поводу историческаго матеріализма. Лампрехтъ сдѣлалъ изъ человѣка раба условій, раба историческаго момента. Этимъ онъ лишилъ личность всякой самостоятельности. Но такъ ли это? Свидѣтельствуетъ ли рабство условіямъ непремѣнно о поглощеніи личности историческимъ моментомъ? Вѣдь мы можемъ считать свободу личности по отношенію къ историческому моменту обезпе-

---

[1] A u n K. 11—12; Zkft № 19—254.

ченной, если признаемъ въ ней врожденный апріорный х, не растворяющійся во внѣшнихъ условіяхъ, какъ это дѣлаетъ Мейнеке, какъ это дѣлаетъ Вундтъ, говоря что характеръ отчасти является результатомъ жизненнаго склада, отчасти самороднымъ свойствомъ личности [1]), т. е. т. с. извѣстнымъ психическимъ апріорнымъ зародышемъ, скажемъ образно *магнитомъ*, притягивающимъ изъ жизни только сродное ему.— Тогда самобытность личности по отношенію къ условіямъ болѣе или менѣе обезпечена. Но даже если мы станемъ въ этомъ отношеніи т. с. на точку зрѣнія *психологическаго* матеріализма и будемъ держаться того взгляда, что характеръ и поступки человѣка являются исключительно результатомъ условій среды и *внѣшнихъ* вліяній,—то вѣдь этотъ психологическій матеріализмъ отнюдь не обязываетъ насъ вступить на стезю матеріализма *историческаго*, подобно тому какъ философскій детерминизмъ не ведетъ вовсе обязательно къ историческому. Дѣло въ томъ, что помимо физіологическихъ варіацій индивидуумовъ, тутъ играетъ роль еще слѣдующее: психологическій матеріализмъ только тогда приведетъ къ историческому, т. е. только тогда сдѣлаетъ личность несамостоятельной, тожественной съ другими по отношенію къ извѣстному историческому моменту, если мы а priori рѣшимъ, что историческій моментъ нѣчто безусловно единое какъ это и говоритъ Лампрехтъ [2]), и что слѣд., *всѣ* люди находятся подъ вліяніемъ *совершенно одинаковыхъ* условій, совершенно тожественныхъ жизненныхъ впечатлѣній; но этого нѣтъ: всякій историческій моментъ даже при массовомъ преобладаніи извѣстной тенденціи, однако же въ сущности есть нѣчто пестрое и *разнообразное* и человѣкъ подпадаетъ подъ множество разнородныхъ вліяній, почему изъ качества и комбинаціи послѣднихъ и могутъ образоваться самостоятельныя индивидуально-различныя единицы, изъ которыхъ однѣ примкнутъ къ господствующимъ тенденціямъ, а другія къ другимъ жизненнымъ струямъ. Сказать же, что $^4/_5$ историческаго момента равняется всему моменту, мы не имѣемъ права.

---

[1]) Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ пер. Розенбаха 445.

[2]) Wir stimmen überein in dem Gedanken, dacs das geschichtliche Geschehen einer bestimmten Zeit eins und untheilbar sei, mithin auch als solches angeschaut werden müsse Zkft № 7—307.

Теперь вдумаемся хорошенько, къ чему ведетъ первый взглядъ на историческій моментъ, что послѣдній есть нѣчто абсолютно цѣльное и единое,—взглядъ на которомъ покоится историческій матеріализмъ и который дѣйствительно и выраженъ Лампрехтомъ, какъ мы видѣли изъ вышеприведенной цитаты, и къ чему ведетъ то воззрѣніе, которое мы противопоставили ему?

Первый взглядъ ведетъ какъ мы видѣли къ элиминированію воли при переходѣ одного историческаго момента въ другой. Но какъ назвать подобную теорію болѣе извѣстнымъ именемъ? Въ ней ярко обрисовывается физіономія одного стараго знакомаго, который нѣтъ нѣтъ да и покажется на горизонтѣ человѣческой мысли. Это *фатализмъ*. Онъ вездѣ одинаковъ, только смотря по обстоятельствамъ мѣняетъ костюмъ. На этотъ разъ мы видимъ его въ аммуниціи ученыхъ фразъ: Но, кажется, при ближайшемъ разсмотрѣніи эти фразы оказываются лишенными строгаго научнаго содержанія.

Мы уже не будемъ касаться его этической безотрадности, мы видимъ въ немъ какъ разъ нарушеніе той *научности*, ради которой онъ по какому то недоразумѣнію попадаетъ въ программу попытокъ научной исторіи.—Если еще соціологъ можетъ сокрушаться, что произволъ человѣческой личности становится ему на пути и мѣшаетъ устанавливать строгіе и точные законы общественной жизни, то вѣдь цѣль научной исторіи совсѣмъ другая: ея цѣль—причивное изученіе фактовъ, и исторія, какъ мы уже говорили, нисколько не сдѣлается ненаучнѣе оттого, что въ числѣ массы причинъ изучаемаго факта будетъ фигурировать и воля человѣка. 2) современная историческая наука есть исторія *генетическая*—она разсматриваетъ *процессы*, то есть ищетъ прецедентовъ даннаго факта въ цѣломъ рядѣ аналогичныхъ фактовъ въ прошедшемъ. Повидимому, при характеристикѣ новаго направленія, въ головѣ Лампрехта именно носилась и та мысль, что это-то и есть специфическая особенность новаго направленія сравнительно со старымъ, по крайней мѣрѣ онъ самъ считаетъ это главнымъ пріемомъ своего историческаго изслѣдованія. Но идея развитія въ наше время оказалась уже настолько привившейся къ исторической наукѣ, пустившей въ ней такіе глубокіе корни и настолько плодотворной въ науч-

номъ отношеніи, что въ ея признаніи и примѣненіи, кажется, сходится всѣ представители современной исторіи; врядъ ли тутъ есть старые и новые; тутъ *всѣ* болѣе или менѣе согласны и въ этомъ отношеніи врядъ ли дѣлятся на лагери. Они образуютъ одну *общую* струю исторической науки, которая господствуетъ въ настоящее время безъ фракцій,—и вмѣстѣ составяютъ одно общее новое направленіе, начавшееся не съ Лампрехта и не съ конца, а съ начала нашего столѣтія, которое возродило исторію и по справедливости называется нѣкоторыми учеными „историческимъ“ вѣкомъ.

Но эта генетическая, развивающая исторія не ведетъ вовсе къ историческому матеріализму и фатализму, наоборотъ, послѣдніе вмѣстѣ съ своей предпосылкой единства условій историческаго момента прямо подрываютъ эту самую научную, генетическую исторію или какъ называютъ ее нѣмцы „entwickelnde Geschichtsschreibung“, во первыхъ потому что фатализмъ есть отрицаніе научнаго объясненія, ибо вводитъ deus ex machina; во вторыхъ потому, что этимъ терпитъ крушеніе самый принципъ постепенности, *развитія*, которымъ такъ гордится новая исторіографія. Вѣдь самъ же Лампрехтъ говоритъ, что его главный пріемъ,—слѣдить за извѣстымъ процессомъ изъ глубины вѣковъ [1]); поэтому, изслѣдуя происхожденіе новаго момента, мы неизбѣжно должны придти къ тому, что это новое началось не съ новаго момента, а только сильнѣе разрослось въ этотъ моментъ, зародыши же его лежатъ и въ старомъ. Т. обр., отсюда слѣдуетъ, все то-же, что мы говорили выше, что историческій моментъ не есть нѣчто безусловно—единое, редуцирующее человѣка къ простому типу, абсорбирующее его, но нѣчто сложное, состоящее изъ господствующаго теченія и наряду съ нимъ изъ новыхъ теченій, такъ что есть люди, которые не ассимилируются съ господствующими тенденціями момента, но свободны по отношенію къ нимъ и начинаютъ новые процессы и прокладываютъ новые пути исторіи. Такимъ образомъ, историческій процессъ не есть простая смѣна моментовъ, изъ которыхъ каждый выдержанъ въ своей полной стильности и чистотѣ, но господ-

---

1) Zkft № 7—305.

ствующія тенденціи каждаго момента заходятъ назадъ и смѣшиваются съ тенденціями предыдущаго момента и въ то-же время забѣгаютъ въ послѣдующій. Теченіе исторіи, слѣд., не является простою смѣной декорацій, а борьбой разнообразныхъ теченій, и повсюду на ряду со старымъ ростетъ и крѣпнетъ новое, молодое, и какъ въ борьбѣ новаго со старымъ, такъ и въ измѣненіи на почвѣ самаго стараго и въ процессѣ роста молодого, въ борьбѣ и развитіи,—роль обновляющаго и видоизмѣняющаго начала играетъ личность, дѣлающая новыя надстройки на старомъ фундаментѣ. Генетическая исторія не упускаетъ изъ виду и тѣхъ строительныхъ матеріаловъ, которые завѣщаны личности изъ старины—и въ этомъ ея великая заслуга,—но она въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей не перестаетъ и не должна переставать отдавать должное тѣмъ архитекторамъ, которые на старомъ фундаментѣ и пользуясь старымъ матеріаломъ, могутъ создать изъ него новое зданіе по своему плану и въ своемъ стилѣ, въ который они вкладываютъ всю свою душу.

Итакъ ясно, что даже въ интересахъ самой научной развивающей исторіи, которая господствуетъ въ настоящее время, приходится согласиться, что она можетъ существовать только подъ условіемъ признанія свободнаго личнаго элемента. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, мы можемъ выразить пожеланіе: наши старые знакомые—матеріализмъ и фатализмъ сдѣлали бы лучше, еслибы перестали показываться на почвѣ исторіи, ибо они попали сюда по недоразумѣнію и имъ не выдержать роковыхъ для нихъ ударовъ критики. Можно надѣяться однако, что это только *временное* увлеченіе, каковымъ матеріализмъ былъ и въ другихъ сферахъ: теперь лучшіе представители науки не раздѣляютъ его одностороннихъ взглядовъ. Исторія въ научной обработкѣ еще молода, поэтому она позже переживаетъ то увлеченіе, которое другими науками уже пережито, да вѣроятно само это увлеченіе въ сильной степени навѣяно въ исторіи старшими науками. Во всѣхъ новѣйшихъ соціологическихъ теоріяхъ съ легкой руки Конта и Спенсера замѣчается желаніе подражать естествознанію. Рахфаль совершенно справедливо замѣчаетъ: „Во всей теоріи Лампрехта мы не видимъ ничего иного, кромѣ ненаучной попытки позити-

визма—подвести соціальныя явленія подъ законы въ духѣ естествознанія и перенести на эту почву естественно-научныя понятія“ [1]). Дѣйствительно, сколько разныхъ терминовъ присвоено соціологами изъ естественныхъ наукъ—соціальный организмъ, соціальная патологія и т. п. Все это, произвольныя сравненія, это призракъ знанія, фикція, отвлекающая насъ отъ реальной почвы изслѣдованія. Въ основѣ исторіи лежитъ не клѣточка, а человѣческая личность, которую мы лучше знаемъ; поэтому, уподобивъ общество организму, будемъ крайне наивны, если предположимъ, что узнали что-то бо́льшее. Наоборотъ, мы только перевели вопросъ изъ болѣе ясной сферы въ болѣе темную и изъ реальной почвы фактовъ на почву фикцій и словъ, Исходнымъ пунктомъ для историка должно быть изученіе реальной человѣческой личности. А въ реальной личности существуютъ наряду съ матеріальными побужденіями и идеальныя стремленія, наряду съ безсознательными инстинктами и сознательныя цѣли, наряду съ зависимостью отъ условій и свобода и самобытность. И всего менѣе имѣетъ права историкъ, называющій свое направленіе научнымъ, приноситъ реальные факты въ жертву предвзятымъ теоріямъ и моднымъ увлеченіямъ.

По поводу всего вышеизложеннаго рождается вопросъ: какая цѣль всѣхъ разсужденій Лампрехта? Онъ очевидно старается защищать и пропагандировать новое направленіе. Но по нашему мнѣнію онъ самый опасный врагъ его, и если новое направленіе дѣйствительно состоитъ въ томъ, въ чемъ его полагаетъ Лампрехтъ, то оно не заслуживаетъ симпатій. Но мы полагаемъ, что та теорія, то міровоззрѣніе [2]), которое проповѣдуетъ Лампрехтъ, вовсе не обязательно для умѣренныхъ и серьезныхъ представителей новаго направленія. Если они обращаютъ больше вниманія, чѣмъ ихъ предшественники на массовыя условія, то они разнятся отъ своихъ

---

[1]) JFNö u S III F 5. Heft—671.

[2]) Потому что совершенно вопреки утвержденію Лампрехта, которое мы привели въ началѣ нашей работы, что его направленіе разнится отъ оспариваемого имъ отнюдь не міровоззрѣніемъ, а лишь методомъ—все предыдущее разсмотрѣніе теоріи Лампрехта несомнѣнно показываетъ, что разница именно въ міровоззрѣніи, во взглядѣ на личность. Это же говорятъ Мейнеке (HZ Bd 77—-64) и Рахфаль (P. J. 555)..

предшественниковъ т. е. только *количественно*, а не *качественно*. Они не сказали новаго слова, но только *дополнили* старое, расширили историческое содержаніе—и въ этомъ ихъ заслуга. Если же они будутъ утверждать свое качественное различіе, отстаивая матеріалистическое міровоззрѣніе въ духѣ Лампрехта, и въ *этомъ* полагать свою новизну, то ихъ можно будетъ упрекнуть въ томъ, что они односторонне *съузили* историческое міровоззрѣніе и если новое направленіе будетъ настаивать на этой узости, то оно будетъ съуживать и кругъ своихъ адептовъ. — Но еще разъ повторяемъ, что Лампрехтизмъ и новая школа вовсе не одно и тоже, и Лампрехтъ, ведя свою полемику, въ сущности борется противъ всѣхъ. Полемизируя со старой школой, и считая себя истиннымъ представителемъ новой, онъ слишкомъ раздулъ споръ и своими взглядами затруднилъ примиреніе школъ; но стоитъ только убѣдиться, что Лампрехтизмъ и новая школа далеко не одно и тоже, и старое и новое направленіе увидятъ, что они гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ это могло казаться благодаря туману, напущенному Лампрехтомъ,—и оба направленія подадутъ другъ другу руку и будутъ каждая вносить свой вкладъ мирно и не ссорясь въ общую сокровищницу единой исторической науки, памятуя девизъ: concordia res minimae crescunt, discordia maximae dilabuntur. Впрочемъ, ко всему этому мы можемъ присовокупить и другую пословицу: „errando discimus“. Врядъ ли только эта пословица въ данномъ случаѣ примѣнима къ Лампрехту: онъ не замѣчаетъ или не хочетъ замѣчать своихъ ошибокъ, но на его ошибкахъ мы можемъ учиться въ томъ отношеніи, что повсюду и всегда надо избѣгать односторонностей и стремиться въ исторіи къ болѣе широкимъ взглядамъ, единственно правильнымъ и желательнымъ, а также не покидать реальной почвы жизни за туманными философскими фразами, а главное не забывать за теоріей человѣка, *о* которомъ и *для* котораго трактуетъ исторія.

Цѣна 50 коп.

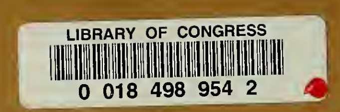

LIBRARY OF CONGRESS
0 018 498 954 2